

Ольга Романовская

18+

Шелковая
лента

Ольга Романовская
Шелковая лента

«Ольга Романовская»

2021

Романовская О.

Шелковая лента / О. Романовская — «Ольга Романовская», 2021

Чтобы сделать возможным выгодное замужество младшей дочери, необходимо срочно найти мужа для старшей. Казалось бы, какая удача: вдовый и готовый вновь жениться виконт ответил согласием на предложение лэрда Эверина. И вот Стефания уже сговорена за столь нужного семье жениха. Только она и не предполагала, чем обернется привычный в её среде брак по расчёту.

© Романовская О., 2021

© Ольга Романовская, 2021

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	28
Глава 4	45
Глава 5	54
Глава 6	66
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Ольга Романовская

Шелковая лента

*Завяжи мне глаза
белой шелковой лентой,
возьми меня за руку и веди
вдоль мостов и каналов,
сквозь поле с тюльпанами.
По воде, над водой, вверх, к облакам.*

Флер «Баллада о белых крыльях и алых лепестках»

Глава 1

Косой свет лился сквозь широкое полуциркульное окно, теплыми бликами падал на лестницу, янтарем касался тела лежащей на ней девушки. Будто соревнуясь с ласками любовника, он скользил по атласной коже, выставляя напоказ всю прелесть фигуры. По-девичьи упругие груди соперничали с башнями собора – столь же острые, как шпиди, напряженные соски высокие, идеально вылепленные, словно творение зодчего. Алая ткань – один из храмовых покровов – ярко контрастировала с молочной белизной живота, мягкими складками обвивалась вокруг члена мужчины, спазмами удовольствия сотрясавшего тело девушки. Придерживая ее за согнутые в коленях ноги, он безжалостно вторгался в мягкую плоть, насаживал на вздыбленное желанием достоинство так, что любовники становились единым целым.

Девушка тяжело дышала и, изгибаясь, стремилась навстречу мужчине. Рот приоткрылся; по животу стекали капельки пота. Любовник, тоже еще юный, по виду не старше двадцати, усилил напор, закинул девичьи ноги себе на плечи. Храм огласил тихий стон, когда пальцы впились в нежные округлые ягодицы, легкой болью усиливая наслаждение от быстрых глубоких толчков.

Казалось, член задался целью разорвать или пронзить насквозь, но вот мужчина, в последний раз качнув бедрами, извлек из подруги обмякшую плоть. На ней блестели молочные брызги, точно такие же оросили бедра и темный треугольник волос девушки. Она тяжело дышала, все еще содрогалась, выгибалась в такт недавним движениям, опираясь ногами о ступени, пока, наконец, не замерла, широко распахнув глаза.

Иссиня-черные пряди упали на грудь, покрытую капельками пота.

Девушка не шевелилась, утомленная любовной игрой. Она длилась несколько часов, во время которых Хлоя не раз познала блаженство. Священник оказался затейником и с готовностью согласился преступить мораль. Масло помогло согрешить прямо под фреской с единорогами, которых, по поверью, могла приманить только девственница.

Хлоя вспоминала сладостные минуты близости, приятную тесноту, легкий привкус боли, делавший наслаждение еще острее, гладкий ствол любовника, казалось, созданный для ее нежной плоти, и насмехалась над родными. Они наивно полагали, будто она молится. Со священником Хлоя могла заниматься, чем угодно, только не беседовать о Боге. Сегодня она надела самое скромное закрытое платье, укрыла от посторонних глаз лицо вуалью и, как всякая благородная дама, отправилась на покаяние. Его надлежало совершать ежегодно, но Хлоя каялась гораздо чаще, не всегда в храме – в постели тоже удобно. Священник умел превратить обыденный акт в запретное и оттого волнующее действие. Хлоя никогда не оставалась неудовлетворенной, любовник неизменно доводил ее до полного изнеможения. Пожалуй, лучший мужчина в

ее жизни, а их насчитывалось немало, если бы родители узнали сколько, прокляли. Девушке ее происхождения надлежало блюсти целомудрие до свадьбы. Увы, Хлоя им не дорожила и лишилась при первой возможности.

– Как ты? – лежавший рядом священник чуть оттянул и перекатил между пальцами сосок. – Я не переусердствовал?

– Замечательно! – устало улыбнулась девушка. – Все, как нужно.

Попка чуть саднила, но Хлоя находила в этом свою прелесть, как и в отголосках ощущений, рожденных поправшим устои благонравия мужским копьем. Ножны пришлись ему впору, девушка тоже осталась довольна. Она сама не знала почему, но именно подобная близость вызывала самое неистовое желание, разумеется, если мужчина умел обращаться со столь хрупким предметом.

Душное, жаркое помещение подталкивало освежиться.

Хлоя встала, отбросила ногой алый покров на ступени и направилась к купели. Она предназначалась для омовения рук, но, по мнению младшей дочери лэрда Эверина, прекрасно подходила для всего остального.

Священник остался лежать, лениво скользя глазами по обнаженной девушке. Он познал ее всю, пресытился и любовался отвлеченно, как произведением искусства.

Прохладные капли воды породили мурашки.

Зачерпнув пригоршню, Хлоя кое-как окатила себя, пожалев, что рядом нет ковшика или миски. Она наклонилась, смахнула молочные капли с бедер, заодно втерла в кожу остатки маслянистой субстанции. Средство едва уловимо пахло сандалом. Баночку с ним Хлоя принесла из дома, заказала год назад по секрету через знакомую: официально подобные вещи запрещены. Стараниями священника Хлоя успела израсходовать половину.

Неосторожное прикосновение обернулось вспышкой боли. Девушка помассировала растревоженное местечко и сожалением подумала о мягких подушках паланкина. Увы, придется идти пешком – таково одно из условий покаяния. Ничего, юбка широкая, никто не обратит внимания на ее странную походку. В следующий раз, наверное, лучше не экспериментировать, оставить подобные развлечения для спальни.

Пока любовница приводила себя в порядок, священник тоже поднялся и скрылся в боковом пределе. Вскоре он вернулся с двумя полными вина чашами в руках.

Хлоя с удовольствием прошла взглядом по обнаженному стройному телу, задержавшись ниже пояса. Да, несомненно, ему не нужна одежда: зачем скрывать столь щедрый дар природы? Помнится, на него она и польстилась, впервые увидев, как топорщится ткань одеяния во время отпущения грехов.

– Вино для прекрасной богини.

Чаша коснулась рта Хлои. Улыбнувшись, она приняла ее и осушила, поделившись последним глотком с любовником.

Губы слились в поцелуе.

Чуткие пальцы священника прошли по позвонкам, погладили ягодицы и скользнули на бедра. Легко и непринужденно он развел их, не спеша, дразнил прикосновениями, наслаждаясь тем, как любовница, скинув бремя усталости, вновь загоралась огнем.

Хлоя дивилась тому, как быстро любовник вновь возбудился. Она прогнулась в спине, упершись руками о купель, но поза священника не устроила, и он велел девушке перевернуться и сесть лицом к нему.

– Я не удержусь! – предупредила Хлоя.

– Ничего, у меня сильные руки, – заверил любовник и, разведя ее колени, направил плоть между девичьих ног.

Она легко проникла внутрь и, не встречая препятствий, ритмично погружалась все глубже, пока не достигла предела.

«И не только руки», – подумалось девушке, когда священник усилил напор, не позволяя продышаться. Она целиком и полностью оказалась во власти любовника, подчиненная его ритму. Когда священник оторвал Хлою от купели, безжалостно насадив на напряженный член, сделав его стержнем чужого тела, девушка и вовсе оказалась беспомощной игрушкой. Однако ее устраивало подобное положение вещей, на грани, как она и любила. Хотелось, чтобы сладкая пытка не кончалась, священник двигался еще быстрее, хотя он и так не давал девушке лишний раз вздохнуть.

Еще немного, еще чуть-чуть!

Стон сорвался с губ Хлои. Она не попевала за любовником, который никак не мог насытиться.

Неизвестно, сколько бы еще продолжалась пляска страсти, если бы без стука не отворилась потайная дверь, через которую в храм незамеченными входили именитые прихожане.

– Хлоя, ты скоро? – послышался звонкий девичий голос. – Тебя родители...

Стефания замерла, с ужасом уставившись на бесстыже совокупающуюся в храме парочку. И если младшая сестра хоть как-то отреагировала, заерзала, шикнула на любовника, то священник удостоил прихожанку коротким равнодушным взглядом и с удвоенной энергией занялся любимым делом. Наконец он вышел из Хлои, оставив красноречивую роспись на ее коже и поздоровался с пунцовой от смущения Стефанией. Та стыдливо кивнула и торопливо отвела глаза, чтобы не видеть голого мужчину. Уши ее пылали, сердце учащенно билось, но не от возбуждения, а от смущения.

– Тоже хотите исповедаться?

Священник и не думал прикрыться. Его хватит и на старшую дочь лэрда. Она тоже уродилась красавицей, а в обучении девственницы, служитель бога не сомневался, Стефания еще не знала мужчины, есть своя прелесть.

– Н...н...нет! – запинаясь выкрикнула девушка.

Священник пожал плечами и, забрав опустевшие чаши, гордо удалился одеваться.

– Не люблю я этого, сколько раз говорила! – крикнула ему вдогонку Хлоя и заметалась по храму, собирая одежду.

– Хлоя, как ты можешь?! – напустилась на нее сестра. – Он же священник! Немедленно прикройся! Учти, я не стану тебя покрывать, ты опорочила честь семьи.

– Чем же? – подбоченилась брюнетка и свысока глянула на Стефанию. – Ты просто завидуешь. Хочешь, попрошу заняться тобой? Тебе понравится, Фанни, у Нориса такой большой...

– Не желаю слушать! – девушка закрыла уши руками.

– Но ты ведь опять поможешь, сестренка? – заискивающе спросила Хлоя.

Она подошла к ней и чмокнула в щеку.

Вздохнув, Стефания кивнула. Ей не раз приходилось спасать увлекшуюся любовными утехами сестру. Живя в соседней комнате, сложно не знать, чем занимается с Хлоей учитель музыки, но Стефания не желала, чтобы подобные «уроки» дошли до ушей родителей. Теперь тоже придется молчать, иначе накажут обоих. Отец строг, может высечь, посадить на хлеб и воду.

– Меня хватились? – Хлоя торопливо одевалась.

Стефания кивнула и поспешила помочь сестре. Если они не вернутся через полчаса, скандала не избежать. И спросят с нее, Стефании.

Хлоя вытянула ногу. Младше на три года, она командовала тихой скромной Стефанией. Та и не думала возражать, быстро натянула на сестру чулки, пристегнула их к поясу и зашнуровала корсет. Девушка немного завидовала Хлое: она и выше, и грудь у нее больше, сестра давно затмила ее на балах. В последнем была и вина самой Стефании, пренебрегавшей искусством флирта.

Родители, наоборот, гордились старшей дочерью и ставили в пример Хлое. «Вот как должна выглядеть девушка нашего круга, ты же иногда ведешь себя как крестьянская девка. Запомни, не найдешь хорошего мужа, если и впредь станешь обнажать грудь», – любил назидательно повторять отец.

Обе сестры вобрали жгучую южную породу матери, ее темные волосы. У Стефании они чуть светлее, у Хлои – словно вековечный мрак. Глаза – с точностью наоборот. Старшей сестре достался теплый глубокий оттенок кофе, младшей – синие льдинки севера.

Наконец Хлоя оделась, оправила платье, и, скрыв лицо под вуалью, скромно потупившись, последовала за Стефанией. Сестра шагала быстро, силясь выкинуть из головы увиденное святотатство. Заниматься любовью в храме, посреди потиров, чуть не на алтаре! Словно животные, в исступлении тереться телами! Стефания не понимала, какое удовольствие можно получить от подобного акта, но не ругала сестру, все равно бесполезно. Хлоя не отличалась благочестием, молилась лишь под присмотром матери и регулярно уединялась с мужчинами. По ее словам, процесс насколько приятен, что ради него можно рисковать репутацией. Стефания так не думала, но надеялась, после замужества и она сможет понять, чем сестру привлекала нагота.

Сестры едва успели. Стоило им хлопнуть задней дверью, как к парадному подъезду подкатил экипаж отца. Не прошло и часа, как лэрд Орест Эверин потребовал дочерей к себе. Они только-только успели переодеться, а Хлоя – наскоро смыть следы бурной близости. «Лишь бы отец не заметил!» – крутилось в голове. Стефания заверила, со стороны казалось, будто сестра подвернула ногу.

Гадая, зачем они понадобились, девушки остановились у дверей отцовского кабинета, ожидая разрешения войти. Даже леди Эверин не входила без доклада, так уж повелось.

Хлоя нервно кусала губы. Страх разоблачения витал в воздухе. Вдруг кто-то рассказал о многочисленных любовных похождениях дочери? Тогда гроза померкнет по сравнению с родительским гневом. Лэрд Эверин как-то выпорол ее на глазах родных за платье слишком откровенное, по его мнению, для девушки ее круга. Глубина декольте строго регламентировалась, а Хлоя отступила от канонов, за что и поплатилась. За потерю невинности отец мог запросто избить палкой и отправить на пару лет в монастырь в рубище и власянице. Рассчитывать на хорошую партию в этом случае не приходилось.

Стефания полагала дело не в Хлое, вернее, не в ее похождениях. Отец давно грозился отправить дочерей в деревенское имение, подальше от соблазнов города. Наверное, решил воплотить обещание в жизнь.

В деревню не хотелось, но послушаться нельзя: воля отца – закон.

– Пусть войдут, – послышалось из кабинета.

Слуга почтительно распахнул дверь перед молодыми хозяйками и удалился.

Кабинет лэрда походил на десятки других кабинетов в старых особняках, где каждая черточка дышала историей. Дубовые панели на стенах помнили пять поколений рода Эверин, а массивная мебель из цельного дерева служила еще первому лэрду, переехавшему из сельских просторов в Грасс. Все излучало надежность и прочность, вселяло уважение к хозяину, восседавшему в кресле с высокой спинкой у камина. На плафоне – изображение родового герба. Недавно поновленные краски сияли, змея, шипя, душила крысу – аллегорическое изображение победы над врагом.

Лэрд Эверин читал письмо, одной рукой глядя собаку. Высокий, с первой сединой в коротких каштановых волосах, в детстве он напоминал сестрам сурового духа, отводящего души к дьяволу. Лэрд никогда не улыбался, вечно смотрел исподлобья.

При виде девушек большой серый пес встрепенулся и встал. Сестры побаивались его: волкодав подчинялся только отцу. Лэрд успокоил его и, окинув дочерей придиричивым взглядом, велел встать перед столом. Сестры подошли, потупив очи долу.

– Я получил выгодное предложение на одну из вас, другая меня огорчила.

Глаза лэрда впелись в Хлою. Губы плотно сжались. Палец с массивным перстнем поминал, и девушка, сглотнув, подошла. Кровь молоточками стучала в висках, сердце упало в пятки. Никого она так не боялась, как отца.

– Я думал, что воспитал тебя в духе чести. – Оплеуха обожгла щеку. Хлоя не вскрикнула, лишь прижала ладонь к горячей коже. – И что же говорят о тебе? Ты заказываешь белье, носить которое пристало только замужней женщине. Девушке надлежит хранить целомудрие даже в мыслях, а не развращать дух кружевом и атласом. Только белое, безо всякой отделки, а это? – Лэрд открыл ящик стола, двумя пальцами извлек из него алый корсет и такие же панталоны, украшенные ручной вышивкой, и брезгливо швырнул на стол. – Немедленно отдай матери!

– Как прикажете, отец, – смиренно ответила Хлоя.

Она любила алый комплект, но с ним придется расстаться. Проклятая горничная предала единожды и предаст снова, потому что абсолютно все в доме боялись хозяина.

Вот зачем матери столь откровенный дорогой наряд, разве отец его оценит? Хлоя сомневалась, будто он вообще навещает ее. Да и зачем? У него есть наследник, две дочери на выданье, больше детей не требовалось, а для другого лэрда к жене заходить не станет. То ли дело Хлоя. Сколько приятных минут она провела бы, пока тот же Норис возится с шелковыми лентами корсета.

– Больше проводи времени дома и усердно молились. Скромность и богобоязненность украшают девушку.

Хлоя снова кивнула, хотя ни за что на свете не стала бы тратить время на молитвы.

Закончив экзекуцию, лэрд сообщил потрясающую новость: один из сыновей графа Амати просит руки младшей из сестер.

– И я намерен ответить согласием, – довольно улыбнулся он.

– Который из них, милорд? – живо поинтересовалась Хлоя.

Глаза загорелись, губы расплылись в улыбке. Впервые отец сообщил что-то хорошее.

– Второй по старшинству. Не знаю, чем ты его прельстила, – пробурчал лэрд, – но я получил сегодня письмо. Внизу стоит подпись самого графа. Надеюсь, ты понимаешь, какая это удача?

Хлоя понимала. Семейство Амати – лакомый кусочек, на который облизывались все благородные девушки королевства, а тут такой подарок судьбы! Стать хозяйкой обширных угодий, фрейлиной королевы, одной из первых дам государства... Отец прав, о таком женихе можно только мечтать, так высоко лэрды Эверины еще не взлетали. Ради младшего Амати Хлоя, пожалуй, готова и помолиться, и дать отставку Норису. Удовольствие удовольствием, но титул намного слаще.

– Но есть одна проблема, – опустил ее с небес на землю отец, – ты младшая из сестер, и я не могу выдать тебя замуж прежде Стефании. Однако нельзя медлить: ответ надлежит послать сегодня.

Хлоя сникла и с досадой покосилась на сестру. Почему она первой вышла из материнской утробы? Стефания совершенно непригодная для брачного рынка. Пусть не уродина, но скромница, каких еще поискать. Ни глазки построить, ни улыбнуться, ни оголить ножку, на мгновение показав подвязку.

– Однако вы сказали, будто брак – дело решенное...

– Разумеется. Второго такого предложения не последует. Начинай учить обычаи их провинции и продумывай наряд. Свадьбу сыграем в конце года.

– А как же право первородства?

Жениха у Стефании нет, за ней никто не ухаживал. Не сошлет же отец ее в монастырь – слишком жестоко! Да и не разбрасываются Эверины столь ценным товаром как дочери, зачем их рожать, кормить, одевать, если потом расходы не вернутся сторицей?

– Мы не нарушим закон, Стефания принесет брачный обет первой. Она не настолько дурна, чтобы не нашлось охотников. Памятуя об Амати, я дам хорошее приданое.

Стефания поблагодарила отца, выразив надежду, что выбор ее жениха окажется столь же удачен, как у Хлои. Другого ответа от нее не ждали. Оставалось только подойти и поцеловать перстень лэрда, что Стефания и сделала со всей дочерней почтительностью. Отец скупно улыбнулся – значит, пребывал в хорошем настроении, и заверил: девица из рода Эверин не выйдет за недостойного. Задумавшись, он перебирал в памяти всех неженатых мужчин королевства в возрасте от шестнадцати до шестидесяти лет. Разумеется, лэрд заблаговременно составил список, сразу после рождения дочери, и каждый год редактировал его. Он пророчил Стефании лучшую партию, нежели Хлое: старшая дочь больше оправдала надежды, но теперь ей придется потесниться.

– После ужина состоится семейный совет. Обе обязаны присутствовать. Хлоя, твой учитель музыки переходит Стефании: нет смысла заниматься дальше. Если лорд Амати захочет, наймет нового. Лучше засядь за книги по аматскому диалекту и этикету. Лично проверю. Ступай! Стефания, ты останься.

Когда за младшей дочерью закрылась дверь, лэрд встал и внимательно со всех сторон оглядел Стефанию. В результате он чуть слышно изрек: «Амати дурак, лучше бы выбрал старшую, но не мне ему указывать». Отец велел Стефании повертеться и станцевать пару фигур. Она покорно крутнулась, стараясь продемонстрировать ловкость и грацию.

– Как ты понимаешь, о помолвке Хлои не может быть и речи, пока ты не примеришь свадебный наряд, – удовлетворившись увиденным, продолжил разговор лэрд. – В твои года надлежало бы привлечь чей-то взор. Впрочем, знаю я, в кого влюбляются девицы, может, и к лучшему, что ты столь скромна, но отныне одевайся ярче сестры. Разрешаю оголять плечи.

– Зачем? – удивилась Стефания.

Отец – строгий моралист, в его устах подобное пожелание выглядело, по меньшей мере, странно.

– Чтобы поймать в силки крупную птицу. Станешь бывать на приемах Гильдии. Не сиди в уголке, почаще мелькай у всех на виду, покажи начитанность, добродетель и красоту. Шансы невелики, но, если подсуетишься, сможешь тоже попасть во фрейлины. Хотелось бы разыграть твою карту. Я думал выдать тебя замуж в будущем году, но планы меняются, – задумчиво закончил отец.

У Стефании засосало под ложечкой.

Замужество! Оно пугало. Девушка понимала, когда-нибудь ей предстояло стать чьей-то женой, но не так скоро. Стефанию обучали домоводству, рассказывали, как вести хозяйство, однако теория, не подкрепленная практикой, мертвым грузом лежала в дальнем уголке сознания.

Когда дочь ушла, лэрд извлек список женихов и послал за супругой. Не хватало сына, но наследник лэрда Эверина никогда не появлялся так рано. Двойная общественная мораль не осуждала развлечения молодых людей, лишь бы они не выходили за рамки. Генрих Эверин их соблюдал, поэтому отец закрывал глаза на его пьянки, охоты и любовные похождения.

Два года назад отец обручил Генриха с единственной наследницей Королевского судьи. Свадьба должна была состояться сразу после достижения невестой брачного возраста. Пока же невеста слишком юна, первый год набиралась опыта при дворе, шлифуя полученное дома воспитание. Лэрд полагал, молодые люди примут брачные обеты следующей весной, когда леди Кетрин исполнится четырнадцать. Эверин торопился с женитьбой по одной простой причине: помолвка – слишком зыбкие узы, охотников до невесты с деньгами и связями немало. Судья мог передумать, отдать дочь другому.

Собственных девочек лэрд берег, отклонив целый ряд предложений руки и сердца: все они исходили от мелкопоместных дворян, недостойных рода Эверин. Стефания, конечно, уже

подошла к опасной черте старой девы – ей минуло девятнадцать, а вот с Хлоей лэрд бы повременил, если бы не Амати. Всего неделю назад праздновали ее шестнадцатилетие – мало для невесты, но достаточно для потенциальной графини.

Итак, кто принесет семейству наибольшую выгоду? Чтобы окупилось приданое, приумножились связи и богатство. Брак – всегда сделка. Дочери – товар, задача отца дороже их продать, обеспечив процветание роду. Орест Эверин даже порадовался, когда после Генриха супруга подарила ему девочек. Дочь лэрда может рассчитывать на мужа выше себя по положению, а за второго сына лэрда отдадут невесту его круга.

Поразмыслив, Орест остановился на трех кандидатурах. Все из хороших семей с длинной родословной, уважаемы и обеспечат внукам безбедное будущее.

Стук в дверь возвестил о том, что пришла леди Эверин. Она с пониманием и одобрением отнеслась к решению супруга и выразила готовность помочь.

– Займешься Стефанией. Чтобы сияла ярче солнца!

– И для какого светила вы ее готовите?

Годы отпечатались на лбу леди морщинами, некогда горящий взор потух. Беременности, не все из которых закончились рождением ребенка, испортили фигуру, однако и теперь супруга лэрда оставалась привлекательной женщиной. Неудивительно, что Хлоя пользовалась такой популярностью у мужчин, некогда и ее мать привлекала чужие взгляды, однако строгие южные нравы и холодный темперамент позволили сохранить девственность для супруга.

– Сегодня вечером решим. Если она не привлечет никого за месяц, выйдет замуж за северянина. Скажи, чтобы походила в церковь, заранее очистила душу от скверны. Можете шить свадебное платье, Стефания примерит его до холодов. Продумай церемонию обручения и займись помолвкой Хлои. Она состоится на следующий день после свадьбы Стефании.

Леди Эверин кивнула и заверила, все пройдет идеально. Работы предстояло немало, а время поджимало. Быстро и скоро придет пора листопада, а за ней и холода.

Вечером состоялся семейный совет. Для него выбрали парадную гостиную особняка, походившую на главные залы родовых замков – такое же обширное, увешанное гобеленами помещение со стрельчатыми сводами. Между коврами висели портреты многочисленных представителей семейства Эверин – предки нынешнего поколения. Огромный стол для званых обедов разобрали, оставили лишь торцевую часть. На толстой, способной выдержать удар любого холодного оружия столешнице стояли кувшин с вином и два кубка старинной чеканки. На каждом – герб Эверинов. Места за столом заняли лэрд и его сын. Леди Эверин сидела сбоку, чуть левее, на стуле с высокой спинкой.

Стефания и Хлоя вошли после вершителей их судеб. Свободных стульев – большую часть после торжеств уносили в кладовую – не осталось, девушкам пришлось стоять перед родителями и братом.

Присев в реверансе, сестры замерли перед столом, смиренно сложив руки на животе.

По знаку отца Хлоя отошла к стене, в тень, слившись с темным ворсом гобелена.

Стефания сделала шаг вперед, подняла голову, внимательно глядя на отца. Она догадывалась, речь пойдет о свадьбе. Хотела ли она замуж? Какая разница, если иного пути нет. Единственное предназначение женщины – брак и рождение детей. Сколько раз Стефания слушала подобное от священников и уверовала, как в непреложную истину. Конечно, горько сознавать себя товаром, но девушка утешалась тем, что принесет пользу семье, упрочит ее положение в свете. Мир принадлежит мужчинам, даже если ты единственный ребенок или сирота, ты все равно не властна над своей судьбой. Религия и закон велят подчиняться сначала отцу, дяде, брату, опекуну, затем мужу. Даже выйдя замуж, ты не сравнишься с мужчиной. Да, тебе доведется многое, никто не отругает за неподобающий цвет белья, но собственный сын окажется

выше тебя на семейном совете. Генрих Эверин сидел за одним столом с отцом, леди Эверин играла вторую скрипку, обладала лишь совещательным голосом.

Стефанию пугала неизвестность. Хотя она и знала: замужество неизбежно, все же втайне надеялась, что свяжет жизнь с приятным сердцу человеком. Их соединит если не любовь, то дружба. Увы, мечты разбились о реальность, ей предстояло увидеть будущего супруга только во время помолвки.

Все внутри нее сжалось, но надежда не опустила крылья. Вдруг отец выберет одного из молодых людей, которые ей нравились? Господи, позволь остаться в Грассе, чтобы было у кого спросить совета, не остаться одной посреди чужих людей.

– Я нашел жениха, Стефания. Надеюсь, из вас выйдет хорошая пара. Генрих согласен с моим выбором. – Сын кивнул. – Признаться, я колебался, но предпочел не связывать тебя узами брака с местными семействами: все они блекнут на фоне Амати. Тебе нужно метить выше, нежели супруга обычного члена Гильдии. Как и сестра, отправишься ко двору.

– Кому вы предназначили меня, отец? – дрожащим голосом спросила Стефания.

Сбылись худшие подозрения: ее отрывали от семьи.

– Виконту Ноэлю Сибелгу, барону Атверскому, владельцу Овмена.

Стефания шумно вздохнула. Хлоя оказалась более эмоциональна, не удержавшись от громкого: «Ах!»

Сибелги, безусловно, уступали знатностью графам Амати, но на равных соперничали с ними древностью рода. Влиятельные персоны при дворе, хотя в последнее десятилетие они не занимали ключевых постов, бароны Атверские пользовались уважением. Им принадлежали обширные угодья на севере страны, у морского побережья. Отныне, если Ноэль Сибелг ответит согласием, а торг увенчается сделкой, Стефании предстояло владеть старинным замком.

– Я уже написал Сибелгу и надеюсь вскорости получить ответ. Виконт недавно овдовел и озабочен поиском невесты. Ты ему подходишь.

«А он мне?» – с грустью подумала Стефания. Она ведь никогда не видела, ничего не слышала о виконте. Каков он, отчего умерла его первая жена? Последний вопрос она осмелилась озвучить.

– Выкидыш: слишком рано понесла. Повремени чуть виконт, получил бы наследника. Эй, ты слушаешь, Генрих? – лэрд обернулся к скучавшему сыну. – Сделай леди Кетрин женой, но не матерью. Воздержись в первый год и затем смело плоди потомство. В пятнадцать девочка уже способна к здоровому зачатию. У Стефании проблем не возникнет, надеюсь, к следующей зиме подержать на руках внука.

Девушка смущенно опустила голову. Вспомнились священник и Хлоя. Неужели они с мужем станут заниматься тем же? Нужно расспросить сестру, иначе Стефания опозорит родных, заодно выяснит, как определить, беременна ли она.

– Полагаю, тебе следует тоже написать виконту. Всего пару строк. Например, о том, какая честь стать его женой, опиши себя, приложи локон. Миниатюру с портретом я отослал. Законник подготовит брачный договор. Надеюсь, ты довольна, Стефания? – Девушка кивнула. – Удача сопутствует нашему дому, – довольно улыбнулся лэрд. – Обе дочери вольют нашу кровь лучшим семействам Ородонии.

– А если виконт Сибелг ответит отказом? – робко поинтересовалась Стефания.

С чего бы вдруг неведомому северянину жениться на незнакомой девице девятнадцати лет? Стефания прекрасно знала, ее возраст скорее отпугивал, нежели привлекал. То ли дело Хлоя – кровь с молоком, сама молодость.

– Увидим, – пресек дальнейшие вопросы лэрд. – Я сделал заманчивое предложение, его не прельстишь смазливой мордашкой. Но ты права, – смягчился Орест, – подберу запасную кандидатуру. Сама понимаешь, замужество Хлои важнее, на твою долю осталось не так много

женихов. Я назову имена двух уважаемых людей, оба одинаково подходят на роль зятьев. Совместно выберем того, кому мы предложим руку Стефании, если северянин откажется.

Будущая невеста участия в голосовании не принимала – такова традиция. Ее дело – принять решение других. Перевесом в один голос – леди Эверин – запасным кандидатом выбрали сэра Артура Конта, менее знатный, нежели соперник, зато моложе и амбициознее: «У такого есть шанс пробиться наверх, если уже прибрал к рукам должность отца».

* * *

Медленно, напряженно тянулись недели ожидания. Каждая из сестер занималась своим делом: Хлоя прилежно училась языку и этикету, Стефания – искусству флирта. Сестра с радостью просвещала ее в вопросах любви, потешаясь над невинностью Фанни. Не выдержав очередного глупого вопроса, она предложила понаблюдать, как Хлоя совокупляется с Норисом.

– Попрошу двигаться так, будто я девственница. Встанешь рядом, посмотришь. Потом кое-что покажу, муж останется доволен, а ты не покраснеешь, как маков цвет, когда разденешься.

– Но так нельзя! – возмутилась Стефания. – Я должна сохранить невинность!

Кровь прилила к щекам от воспоминания об увиденном в храме. Оно казалось противозачаточным и жутко стыдным, и речи не шло, чтобы стать третьей в играх сестры. Стефанию стошнит, если обнаженный мужчина прикоснется к ней.

– Святая простота, ты останешься девственницей! – рассмеялась Хлоя. – Он только раздеет и поласкает. Подумаешь, пальцы и шаловливый язык. Зато узнаешь, куда муж вставит свою штучку, легче станешь женщиной, научишься получать удовольствие. Пора бы, а то помрешь ледышкой. Опять же мужу приятно, ему достанется подготовленная жена.

– Нет! – замотала головой Стефания. – Не желаю, чтобы его грязные руки касались меня, залезали туда, куда и тебе.

Норис ведь раздвинет ей ноги, увидит срамное место. Стефания умрет со стыда.

– О, – расплылась в усмешке Хлоя, коснувшись кончиком книжной закладки подбородка сестры, – да ты у нас, оказывается, многое знаешь! Хорошо, сестренка, как пожелаешь. Муж – значит, муж.

Больше Стефания на интимные темы не разговаривала, но пару раз украдкой, преодолевая отвращение, привитое воспитанием, подсматривала, как священник и Хлоя занимаются любовью. «Это ради блага семьи, чтобы не опозорить отца. Я должна знать, как выполнять супружеский долг», – успокаивала совесть Стефания. Она не понимала, как трение потных тел и громкое сопение способно кому-то понравится. Мужской орган и вовсе напоминал червяка. Стефания надеялась, будущий супруг, благородный виконт, занимался любовью иначе, не как дикарь, простолюдин или зверь, да и член у него другой, как у статуи, которые, тайком от родителей, девушка видела в Художественной галерее.

Вскоре пришел ответ виконта Сибелга. Невеста понравилась, он согласился обсудить брачный контракт.

Глава 2

Детали предстоящего союза оговорили, брачный контракт подписали. Стефания, разумеется, в обсуждении не участвовала, ее интересы представлял отец. На ее долю выпало послать виконту Сибелгу продиктованное родителями письмо и локон. Страшно ли ей было? Безусловно. Впереди ждала неизвестность. Каков он, жених, добр или зол? Стефания видела лишь миниатюрный портрет, который виконт прислал вместе с сухими заверениями почтения и пожеланием скорее увидеть нареченную. И вот он приезжал.

Особняк Эверинов походил на растревоженный улей. Слуги в спешном порядке украшали залу гербами обоих семейств, выбивали ковры, до блеска натирали подсвечники и паркетные полы. Приглашенные повара два дня готовили парадный обед в честь помолвки. На него пригласили весь цвет Грасса – без малого сорок человек. Свадьба обещала стать еще более пышной. Стефания устала подписывать приглашения. Она забросила счет на ста сорока семи.

Лучшая портниха шила будущей невесте платье. Оно облегало, как перчатка, но соблюдало приличия, прикрывало фигуру пелериной кружев и складок в самых «интересных» местах. Даже мать не удержалась от комплимента, по ее мнению, дочь напоминает фею.

Волосы Стефании завили крупными локонами и распустили по плечам. Чтобы оттенить их цвет, пряди убрали жемчугом. Корсет затянули так туго, что девушка с трудом дышала. Пальцы, уши, шею впервые украсили тяжелые фамильные драгоценности.

– Улыбайся и молчи, – напутствовала дочь леди Эверин. – Когда войдешь, поклонись присутствующим. Жениху сделай реверанс и протяни руку для поцелуя. По сигналу отца отдашь виконту кольцо с гербом – залог исполнения слова. Он передаст тебе свое. Оно большое, поэтому носи у сердца и не снимай до свадьбы. Цепочку заготовила?

Стефания кивнула и протянула матери маленький мешочек из тафты. Она жутко нервничала и страшилась грядущей встречи. Леди Эверин бережно извлекла золотую цепочку и внимательно осмотрела. Дешевая, простенькая вещь оскорбила бы жениха, но Стефания не оплошала, выбрала ажурное, затейливое плетение. Мать удовлетворенно улыбнулась и вернула мешочек дочери. Стефания убрала его в потайной карман, куда женщины прятали разные секреты, вроде писем и носовых платков.

Хлоя тоже приделась, но выбрала менее броский, розовый, цвет, чтобы не затмевать сестру в золотом. Она придирчиво оглядела сестру и резюмировала: «Принцесса!» Мать шикнула на нее, велев спускаться, вместе с отцом встречать гостей. Сама она осталась со Стефанией. Хлоя фыркнула и, подхватив юбки, удалилась.

Гости постепенно заполняли залу, рассаживались по местам. Одним из последних прибыл жених в сопровождении младшего брата. Извинившись, он объяснил опоздание непредвиденными делами. Лэрд Эверин понимающе кивнул и заверил, для него большая часть принимать такого человека, как виконт. После обмена любезностями брата Сибелги прошли к столу. Старший не спешил сесть, дожидаясь нареченную, а младший занял место напротив Хлои.

Северная порода Сибелгов читалась в суровых чертах лица, бледно-васильковых глазах. Оба высокие, плечистые, стройные, братья производили впечатление, заставляли девиц сердца биться быстрее. Виконт уродился чуть темнее брата, носил короткую бородку. Его брат, Сигмурт, наоборот, не жаловал растительность на лице и гордился русыми, будто высветленными ветрами, волосами.

Хлоя исподтишка, чтоб не заметили брат и отец, рассматривала будущих родственников. Оба казались чрезвычайно соблазнительными. Сестра не пропадет в таких сильных и ухоженных руках – Хлоя боялась, северяне дикари, но они не чурались масел и медвежьего жира, иначе бы руки загубели и кровоточили.

Интересно, сколько лет Ноэлю Сибелгу? Сигмурт, судя по всему, ровесник Генриха. Разница в возрасте между братьями невелика, значит, где-то около тридцати – самый расцвет для мужчины.

Хлоя на свой страх и риск улыбнулась младшему Сибелгу: слишком он привлекателен! Создал же Господь такой сосуд греха! Определенно, вечером она к нему заглянет.

Девушку с нестерпимой силой тянуло к северянам, воображение рисовало картины обнаженного торса, откровенных ласк и неземного блаженства. Она не Стефания, Хлоя всласть повеселится перед свадьбой, потом ведь только постылый муж, нужно успеть сорвать побольше плодов. Пусть лорд Амати недурен собой, он быстро наскучит. Хлоя сомневалась, что он столь искусен в спальне, как в написании сонетов. В них ни капли страсти, одно эфемерное томление.

Сигмурт вернул улыбку, одарил долгим взглядом, задержавшись на медальоне на груди. Хлоя будто невзначай поправила его, приподняла цепочку, а потом отпустила, чтобы она скользнула обратно, но не поверх платья, а в декольте. Проделав двусмысленную манипуляцию, девушка потупила взор и больше не смотрела на гостя. Зачем, если уже все сказано.

Стефания все это время томилась наверху.

Мать в который раз поправила короткую вуаль, прикрывавшую лоб и часть волос, и повторила указания. Мыслями она возвратилась к собственной помолвке, когда впервые увидела лэрда Эверина. Оправдал ли он ее ожидания? Нет, но таков удел всех женщин.

Наконец отец послал за дочерью.

Леди Эверин взяла дочь под руку и повела вниз. Она вошла в залу первой, плотно притворив за собой дверь. Приветствовала жениха и гостей и отошла в сторону, объявив имя и титул Стефании. Слуги настежь отворили створки, и старшая дочь лэрда Эверина на негнущихся ногах ступила на холодные плиты. Как учила мать, Стефания поклонилась, сделала реверанс, но вряд ли что-то видела: сознание затуманил страх.

Мать ступала следом, мысленно удовлетворенно кивая. Пока дочь ни разу не ошиблась.

Хозяйка заняла место рядом с супругом, оставив Стефанию одну. Она оказалась под огнем перекрестных взглядов и, то краснея, то бледнея, не знала, как надлежит поступить. На помощь пришел виконт Сибелг. Он встал и поприветствовал нареченную. Она понравилась ему: брюнетка с ладной фигуркой, хорошо воспитана, из уважаемого рода. Абсолютно здорова и невинна – перед помолвкой Ноэль ознакомился с заключением врача. Лэрд Эверин настоял на освидетельствовании девичьей чести, чтобы подтвердить безупречность «товара».

Стефания робко улыбнулась и протянула виконту руку для поцелуя. Жених оказался симпатичным, но она представляла его несколько моложе, вроде юношей, которые окружали Хлою. Неприязни Стефания не почувствовала, симпатии тоже.

Девушка напоминала пугливого зверька, недоверчиво приглядывавшегося к незнакомому существу, готового в любую минуту прижать уши и убежать.

Виконт склонился над рукой нареченной, поцеловал и на миг сжал ладонь. Он ощутил дрожь, пробежавшую по телу Стефании, и самодовольно улыбнулся. Девушка, определенно, очарована, приятно.

Жених чинно проводил нареченную на свободное место, галантно отодвинул стул. Стефания, ни жива ни мертва, опустилась на него и потупила взор.

Хлоя закатила глаза.

Как можно уродиться такой скромницей! На месте сестры она бы попыталась очаровать северянина.

Зазвенели серебряные приборы – лэрд не поскупился, велел подать самое лучшее, из вечно запертого буфета. За столом потекли неторопливые разговоры. В основном беседовали мужчины: о делах, политике, новых налогах. Женщины предпочитали молчать, либо вполголоса делились последними сплетнями.

Стефании не пришлось долго отсиживаться. Вскоре заиграли музыканты, и будущая супружеская чета вышла на середину зала, встав под центральной люстрой.

Разговоры смолкли. В воцарившейся тишине виконт Ноэль Сибелг дал Стефании Эверин клятвенное обещание взять ее в супруги, скрепив его передачей перстня. Вымученно улыбаясь, девушка извлекла из декольте мешочек с цепочкой и нанизала на нее кольцо. Жених изъявил желание надеть украшение на шею невесты. Она не возражала, получив молчаливое согласие отца. Когда пальцы Ноэля коснулись кожи, Стефания задержала дыхание: никогда прежде мужчина не оказывался так близко.

Затем пришел черед невесты. Пальцы подрагивали, когда она передавала кольцо новому владельцу.

– Вы прекрасны, леди, – прошептал виконт. – Надеюсь, наш союз будет прочен, а вы не обманете моих ожиданий.

– Я сделаю все, что в моих силах, – заверила Стефания.

Ноэль одобрительно улыбнулся и, на правах жениха, склонился над рукой невесты. Отныне им полагалось сидеть рядом: Стефании – по правую руку от отца, виконту – по левую от брата.

Подали вино, налили кубки. Лэрд Эверин провозгласил тост за обрученных и попросил засвидетельствовать помолвку. Отныне виконт Сибелг не мог без скандала забрать свое слово.

Обед завершился около полуночи. Гости разъехались по домам, а братья Сибелги остались ночевать у будущей родни.

Утомленные сестры с разрешения отца удалились ко сну.

Хлоя велела сделать ванну, одну на двоих со Стефанией, чтобы смыть тяжесть прошедшего дня. Горничная вытащила из волос старшей хозяйки жемчужины и расчесала мягкие пряди. Затем она занялась прической Хлои.

Тяжелые волосы водопадом заструились по оголенным плечам – не сестры, а две богини, спустившиеся с небес на землю. Молочная белизна кожи делала цвет прядей еще глубже.

Горничная расшнуровала тугие корсажи платьев, расстегнула крючки корсетов и удалилась, чтобы разнести вещи по комнатам. Младшая из сестер крикнула ей вдогонку, чтобы служанка захватила розового масла.

Убедившись, что вода не слишком горячая, горничная разложила на постели Хлои – мылись в ее комнате – ночные рубашки и, пожелав спокойной ночи, удалилась.

Сестры стянули нижние рубашки и залезли в бадью. Некоторое время они просто лежали, блаженствуя, а потом начали мыться.

– Ну, и как тебе жених? – Хлоя лениво водила мочалкой по телу.

– Никак, – призналась Стефания. – Думаю, я смогу с ним жить.

– По-моему, соблазнительный мужчина, – мочалка скользнула по пышной груди, на мгновение задержавшись у соска. Хлоя представила, что не она, а северянин тербит чувствительный бугорок, накрывает его губами... Пришлось окатить грудь водой, чтобы не распалиться от греховных желаний. – Как и его брат, – она томно прикрыла глаза, поднесла палец ко рту и облизнула.

Стефания широко распахнула глаза. Может, она неопытна, но ощутила яркую чувственность внешне невинного жеста. Отец бы за такое влепил пощечину.

– Ты помолвлена, – напомнила Стефания.

– Еще нет, – игриво заметила Хлоя и вздохнула. – Но тебе все равно не понять.

Новоиспеченная невеста промолчала.

Слова сестры зародили сомнения. Чего именно ей не понять? Спросить она постеснялась. Закончив водные процедуры, Стефания обтерлась полотенцем и надела ночную рубашку.

– Ты иди, я еще полежу, – бросила ей Хлоя. – Потом почитаю. Отец завтра обещал проверить успехи в проклятом аматском диалекте!

Девушка в сердцах ударила рукой по бортику, расплескав воду.

Стефания ушла, а Хлоя осталась нежиться в деревянной бадье. Нечего сестре знать, куда она сегодня пойдет.

При мысли о Сигмурте Сибелге стало жарко внизу живота.

Хлоя приподнялась, легла лопатками на бортик и, слегка выгнувшись, скользнула рукой под воду. Привычное средство не помогло, только разожгло желание. Девушка перепробовала все, но желанное успокоение не приходило. Воображаемый образ обнаженного северянина сводил с ума. Хлоя представляла, как он касается кожи, нежно целует и, раздвинув ноги, вводит между ног вздыбленное взаимным влечением достоинство. Оно заполняет ее всю, отчего перехватывает дыхание.

Девушка резко вскочила, наскоро промокнула тело полотенцем и в одной ночной рубашке выглянула в коридор – никого.

Свечи уже погасили, особняк погрузился в темноту, однако Хлоя не спешила выскользнуть из комнаты. Как бы сильно ни хотелось к Сигмурту, нужно подождать, пока все улягутся спать. Меньше всего девушке хотелось вновь испытать силу отцовского гнева.

Время тянулось мучительно медленно.

Хлоя ходила из угла в угол, плотно сжимая бедра, чтобы хоть так облегчить страдания. Зато, когда, наконец, стихли все звуки, она придумала, чего именно хочет от северянина. О, он так просто не отделается, ему придется улаживать Хлою всю ночь. И да, Сигмурт Сибелг достоин подарка. Мужчины, что бы они ни говорили, жаждут пикантных развлечений, порицаемых церковью, только не каждому можно доверить столь хрупкий предмет.

Девушка улыбнулась и достала из тайника баночку с мазью. Она предлагать не станет, но если Сигмурт захочет, получит. Хлоя смело притворила за собой дверь и скользнула вдоль стены к лестнице. Она знала, гостей поместили по ту сторону межэтажной площадки. Свечу брать не стала: вдруг кому-то не спится?

С замиранием сердца Хлоя остановилась у нужной двери. Оставалось надеяться, это не комната Ноэля Сибелга. Или их поместили в одной? Хм, свидетель делу не помеха, даже если он захочет присоединиться. Хлоя получит новый опыт – с двумя сразу, достойная тризна по жизни в девичестве. Стефания не обидится. Она осталась холодна к жениху, вряд ли станет ревновать.

Хлоя постучала и просияла, когда дверь открыл полуобнаженный Сигмурт Сибелг. В мистическом свете огарка он казался еще привлекательнее, чем в мечтах. Мускулистый торс, тонкая дорожка волос на животе, короткие кальсоны, тесно облепившие мужское достоинство.

– Леди Хлоя? – северянин изобразил удивление.

О нет, он прекрасно знал, Хлоя придет, девушка прочитала по масляному взгляду.

– Дверь на ключ закрой! – шикнула Хлоя и втокнула Сигмурта в комнату.

Ошарашенный, северянин выполнил ее просьбу.

Хлоя скинула ночную рубашку и без предисловий жарко поцеловала Сигмурта. Он с готовностью ответил на поцелуй. Руки жадно скользнули по девичьему телу и задержались на груди. Хлоя мысленно улыбнулась: мужчинам нравилась эта часть тела, «перси греха», как ее именовали отцы церкви. По мнению девушки, грудь презирали только те, которых Господь ей обделил.

– Какие прекрасные плоды! – ухо обжег шепот. – Можно их сорвать?

– Конечно, – Хлоя потерлась бедрами о его бедра.

Девушке хотелось немедленно оказаться в постели, унять огонь, но приходилось мириться с мужскими желаниями. Справедливости ради, они иногда приятны.

Сигмурт ощущал себя хозяином положения. Его руки подчинили тело Хлои себе, тискали груди, перекачивали соски между пальцев. От поглаживаний северянин быстро перешел к щипкам, доводя до исступления чередованием легкой боли и неги.

Губы Сигмурта накрыли сосок, а пальцы, раздвинув нежные складки, устремились внутрь. Хлоя охнула и прогнулась в спине, когда северянин начал уверенно задавать ритм, погружаясь все глубже. Когда большой палец нащупал бугорок, она и вовсе застонала.

– Сейчас, малышка! – хрипло пробормотал Сигмурт и, к огорчению девушки, вытащил пальцы.

Мужчина по очереди лизнул затвердевшие соски и отстранился, чтобы снять штаны.

Хлоя широко распахнула глаза.

Великолепен и готов!

Член Сигмурта призывно вздымался, суля небывалые наслаждения. Хлоя сделала шаг и сжала мужское достоинство. Да, именно так, пришел черед северянина стонать. Шаловливые пальчики очертили вздувшиеся вены, дошли до атласного кончика, и тут любовник не выдержал, повалил девушку на кровать и вошел в нее одним толчком.

Ноги Хлои безвольно дернулись. Ни один мужчина прежде не овладевал ей так – порывисто, властно, безоговорочно. Осталось только подчиниться.

Попка Хлои билась о край постели, однако Сигмурт не позволял пошевелиться. Закинув руки девушки за голову, сжав ее запястья, он вбивался в нее снова и снова, пока член внутри не обмяк. Только тогда северянин отпустил Хлою. Странно, но ей понравилось и мучительно хотелось еще. Встав на четвереньки, девушка подползла к лежавшему на спине, тяжело дышавшему Сигмурту и поцеловала его в живот.

– Ниже, милая!

И ее губы устремились ниже, пока не достигли курчавых волос.

– Любишь сладенькое? – Ладонь Хлои накрыла мужское достоинство. – Хорошо, но взамен ты приласкаешь меня.

– Идет, – согласился северянин.

Девушка поправила волосы и наклонилась.

Один поцелуй, второй, вершина все ближе, и вот плоть уже во рту. Хлоя неспешно посаживала добычу, помогая себе руками. Она чувствовала, как вновь зарождается желание, как каменеет член, и, довольно щурясь, продолжала ласкать.

И вот оно.

Хлоя оседлала Сигмурта, задавая темп. Груды подпрыгивали спелыми плодами, стремились в ладони привлекательного садовника. Бедра не знали устали, северянину пришлось изрядно попотеть, чтобы удовлетворить младшую из сестер Эверин. После пришел его черед ласкать любовницу. И новая вспышка страсти, опустошающая, натягивающая чувства до предела.

Девушка тяжело дышала. Облизнув пересохшие губы, она наслаждалась чувством наполненности. Определенно, северянин умел обращаться с женщинами.

Хлоя с не меньшим наслаждением исследовала тело Сигмурта – и руками, и грудью. Размеры последней позволяли то, что другим девушкам недоступно. Северянин был только за. Он лежал на спине, наблюдая, как грудь Хлои скользит по коже, постепенно спускаясь вниз и, наконец, сжимает член. Девушка ласкала его, не забывая останавливаться и целовать напряженную плоть. Игривый язык все чаще касался атласной розовой кожи, в итоге и вовсе там обосновался. Сжав член грудью, Хлоя наградила любовника самым греховным из поцелуев, и тут Сигмурт не выдержал. Он повалил девушку на спину и, закинув ее ноги на плечи, овладел. Беспомощной Хлоя вновь оставалось лишь подчиниться, став вместилищем для его члена. Ухватив ночную гостью за бедра, северянин безжалостно насаживал ее на твердую плоть. Живот его тяжело вздымался, тело вспотело.

Затем поворот, и Хлоя отчаянно вцепилась в планку кровати, чтобы не повиснуть в воздухе. Только Сигмурт желал иного. Он легко удерживал девушку навесу, продолжая нещадно терзать. Все глубже и глубже, быстрее и быстрее до еле сдерживаемого рыка.

Обессиленная Хлоя ничком рухнула на кровать.

Мышцы болели, кожа слегка саднила, но девушка испытало то, чего так хотела, – удовлетворение.

Мазь пригодилась: северянину хотелось иных ощущений. Согласие Хлои несказанно обрадовало Сигмурта. Хотя в свете того, как они кувыркались... Определенно, младшая девочка Эверинов не дохлая рыба, брату повезло, если старшая такая же. Правда, Стефания производила впечатление серой мышки.

Хлоя слезла с кровати, подняла с пола баночку и протянула любовнику.

– Какая ты заботливая, киска! – похвалил северянин и хлопнул ее по попке.

Девушка соблазнительно улыбнулась и легла на живот. Пошарив рукой по кровати, она подложила подушку и широко раздвинула согнутые ноги.

– Так хорошо? – повернувшись, спросила она.

– Лучше так, милая.

Сигмурт принял предложение, чуть выше приподнял зад любовницы и раздвинул округлые ягодицы. Палец очертил отверстие и чуть надавил.

– Занималась этим прежде, верно?

Северянин щедро нанес смазку и ввинтил палец в тугое отверстие. Не встречая преград, он погружался все глубже. Вскоре, растянув узкий вход, к нему присоединился второй.

Легкий дискомфорт быстро сменился негой. Девушка остро ощущала каждое движение и жаждала продолжения. Сигмурт погладил ее по попке и принялся разминать. Пальцы двигались сначала неспешно, чтобы не навредить, затем смелее, проникая на максимальную глубину. Северянин постепенно усиливал напор, имитируя соитие, когда нужно, добавлял смазки. Чтобы все прошло гладко, он не забывал уделять внимание второму местечку.

Попка Хлои оказалась податливой. Вскоре Сигмурт извлек пальцы из возбужденной девушки и, в последний раз добавив смазки, ткнулся членом в чуть расширившийся проход. Его кончик осторожно скользнул внутрь, замер на мгновение и устремился дальше.

Хлоя сжала простыни.

Ох, как горячо!

Не встречая преград, Сигмурт в полной мере наслаждался близостью – сначала, только разведывая, медленно, неглубоко, потом увереннее, в полную силу. Хлое пришлось стиснуть зубами простыни, чтобы не выдать себя всему дому.

Когда северянину наскучило терзать задний проход, он аккуратно вытащил еще твердый член и, обтерев, занялся любовью привычным способом. Как позже объяснил Сигмурт, он любил чередовать ощущения.

Прижимая рубашку к животу, Хлоя выскользнула из комнаты гостя на рассвете. Несмотря на усталость, она осталась довольна: у священника появился достойный конкурент. Вспомнив, что не одета – в дверях Сигмурт взял ее еще раз, на прощание, – девушка натянула рубашку и, переставляя ноги, словно утка, поспешила к себе.

Ох, не перестарался ли северянин?

Запершись у себя, девушка достала зеркальце и все внимательно осмотрела. Ничего, пройдет, оно того стоило, ради такого удовольствия можно потерпеть.

* * *

Свадьбу Стефании Эверин и виконта Ноэля Сибелга назначали на середину октября в Овмене – фамильном замке Сибелгов в земле Атвер. Подготовку торжества взял на себя жених, семья невесты занималась лишь рассылкой приглашений.

Стефании не хотелось уезжать из Грасса, но она понимала, что ни молчаливые взгляды, ни слезные просьбы ничего не изменят. Лэрд Эверин и слушать не станет, еще преподаст урок

дочерней покорности. Родство с Сибелгами поднимало еще на одну ступень, попасть с которой на следующую поможет Хлоя. Лэрд предчувствовал получение нового титула, угодий, почетную должность и жестоко пресек бы попытки выбить лестницу у него из-под ног. Помолвка состоялась, даже если Стефания окажется при смерти, она выйдет замуж.

Нервозность сестры неожиданно передалась Хлое. Ее пугало судебное освидетельствование, на котором настояли Амат. По стечению обстоятельств оно планировалось вскоре после свадьбы сестры.

– Как ты думаешь, для него важно, чтобы невеста сохранила девственность? – с тревогой в голосе спросила Хлоя, помогая Стефании укладывать вещи.

– Раньше надо было думать, – рассеянно ответила сестра.

Она выбирала, что взять на север. Как тяжело – оставить позади привычную жизнь! Каждая мелочь, каждая безделушка дорога, но Стефания понимала, сундуки не бездонны, с чем-то придется расстаться.

– Да ладно, святоша! – отмахнулась Хлоя. – Зато я перед замужеством пожила в свое удовольствие, не то, что ты. Кстати, хочешь, расскажу, каков деверь? На твоём месте обратила бы внимание. И шишечка хороша, и мужик отменный.

– Когда только успела? – удивленно выдохнула Стефания, пропустив мимо ушей пошлость сестры.

Хлоя промолчала. Она надеялась смутить сестру, но не вышло.

Однако проблему с Дугласом Амат нужно решать.

Эх, узнать бы, что в письме от графа! Только отец не позволит взглянуть даже одним глазком.

– Ладно, пересплю я с женихом, – нашла решение Хлоя. – Он все равно не сообразит, был ли у меня кто. Совру, будто сгораю от страсти, хочу его до безумия, до свадьбы не дотерплю. А если лорд еще напьется, так вообще шито-крыто. Да, скажу, не девица, но невинность потеряла с женихом.

Стефания усмехнулась. Даже сильно выпивший лорд Амат не примет Хлою за непорочную деву.

– Когда подписывала приглашения, видела, приедет ли кто из Амат? – не унималась младшая из сестер Эверин.

– Какая разница, Хлоя, тебя все равно не берут. Но, так и быть, скажу: нет. Можешь спокойно соблазнять своего лорда, но, смотри, успевай до врача. Отец наметил вашу помолвку сразу после моей свадьбы, поэтому-то ты остаешься.

– Не вижу связи, – надула губы Хлоя.

Ее злило, что праздник пройдет без нее. Только представилась возможность повеселиться – и вот постылый дом. Одна, запертая в четырех стенах – в пору удавиться.

– Там много мужчин, вина, а ты иногда перегибаешь палку, – попыталась объяснить Стефания. Хлое пора бы понять, ее поведение неприемлемо. – Родители не слепые.

– И?

Девушка накрутила локон на палец и проводила глазами длинную ночную рубашку сестры. Она бы такую не надела – чистый саван! Кого может соблазнить кусок непрозрачного полотна, в который легко завернуться вдвоем? В такой рубашке ощущаешь себя старухой. То ли дело батист, он так приятен коже, только отец запрещает его носить, твердит, девушке положена простота.

– Невеста лорда Амат безупречна во всем, поэтому тебя отдаляют от соблазнов. Да и вдруг тебя там изнасилуют? – шепотом добавила Стефания.

Она живо представила шумный праздник с множеством пьяных мужчин. Северяне – не столичные жители, их не сдерживает строгая мораль. Хотя Сибелги показались ей образованными, намного лучше, нежели она ожидала. Правда, тому же Генриху ничего не мешало весе-

литься с друзьями, морем выпивки и женщин. Стефания краем глаза видела одну из их попок. А отец ни говорил ни слова – мужчина имеет право не соблюдать заветы и не блюсти целомудрие.

Хлоя расхохоталась.

– Меня? Я не служанка, дорогая, даю только тем, кому хочу. Да и какой дворянин посмеет насиловать дворянку? Это дело подсудное, не говори ерунды.

Она перекинула темный шелк волос, яркий, глубокий, как эбеновое дерево, через плечо. Стефания невольно проследила за ее движением, залюбовалась. Может, и она когда-то научится подобной грации. Зато Хлое далеко до нее в языках, Стефания обычно все схватывала налету.

– А, может, отец боится, что ты спровоцируешь этого дворянина? – с вызовом поинтересовалась старшая сестра.

Хлое пора понять, ее поведение иногда выходит за рамки приличий. Одно дело флиртовать, другое – ложиться в постель с любым мало-мальски приличным мужчиной. Может, отец прав, ограничивая ее стремление к неге и роскоши? Или, наоборот, права Хлоя? Мать не выглядела счастливой, хотя строго соблюдала все заветы и правила.

– К бесу его ханжеское благочестие! – сверкнула глазами Хлоя. – А сам-то тоже не только с матушкой возлежит.

Стефания охнула, а сестра продолжала, упиваясь собственными словами:

– Я тебе больше скажу: отец лет десять, как забыл дорогу в ее спальню. Как детишек заделал, сразу стала не нужна. Почему? Да не годна больше ни на что, скучно ему. А будь она, как я...

– Не смей говорить так о матери! – Сестра вlepила ей пощечину. – Отец уважает мать.

Щеки ее горели, грудь вздымалась от частого дыхания.

– Вот-вот, уважает, а постель не греет. – Хлоя потеряла щеку и задумалась, прикладывать ли лед. – Матушка сама виновата, – зло припечатала она.

– Перестань! – Стефания закрыла уши руками. – Ты... ты отвратительна и порочна!

Неправда, конечно, неправда. Брак строится на уважении, а не постели. Отец и мать живут по законам Господа, а Хлоя одержима бесами. Мать счастлива, она просто сильно устает. Еще бы, содержать в порядке такой дом!

– Сама перестань, Фанни, я тебе дельные советы даю, – сестра оторвала ее ладони от ушей и шелкнула по носу. – Но не хочешь слушать, не слушай.

– Ты спрашивала о враче, так он придет на днях, до отъезда.

Не зная, как насолить сестре, Стефания ударила по единственному больному месту, но укол не возымел нужного действия. Хлоя на мгновение нахмурилась, но тут же просияла, заверив: «Я успею. Он ведь посещает вечернюю службу».

Стефания вздохнула.

Только Хлоя способна превратить храм в вертеп разврата.

Однако она ошиблась.

Сестры отправились на службу, однако там волей случая не оказался Дуглас Амати. Да и Хлоя не сменила церкви, не покоряла будущего жениха улыбками. Вовсе нет! Она старательно не замечала чужих взглядов и сосредоточенно молилась. Стефания ничего не понимала. Как сестра собиралась избежать унижения, если ничего не делала? Все прояснилось, когда Хлоя вложила вместе с монеткой записку в руку служки, нашептав ему пару слов.

– Дело сделано, – объяснила после сестра. – Я назначила ему встречу. Служка узнает, в какой церкви он молится, подкараулит и передаст. Как видишь, я блюду свою честь, – подмигнула Хлоя. – Поговорим наедине. Мне неожиданно станет дурно, упаду в обморок, Амати отнесет меня домой.

– К нам домой, – поправила Стефания.

– А вот и нет! – фыркнула Хлоя. – К себе: так ближе. Там все и провернем. Заранее подкуплю слуг, чтобы не посылал за врачом, придется Дугласу ослабить корсет, ну а я позабочусь, чтобы ему захотелось снять все остальное. За час он вполне управится, а если вдруг вернусь поздно, совру, будто задержалась, беседуя со священником.

– А если он не захочет? – нахмурилась Стефания и прикрылась молитвенником. Негоже обсуждать подобное в церкви!

– Захочет, – усмехнулась Хлоя. – Я все рассчитала. Завтра он празднует с друзьями, отказаться не может, придет навеселе. Я ведь не дура, не писала от своего имени. Так, один человек, которому нужно кое-что передать. Поверь, Фанни, – подмигнула она, – постель, полуобнаженная женская грудь и вино творят чудеса, совратят даже праведника. А уж свою невесту-то он за милую душу!

Стефания закрыла ей рот рукой, испуганно оглядевшись по сторонам: вдруг кто услышит? Потом, уже в паланкине, прошипела сестре на ухо, что лорд Амати – человек благородный и порядочный, а не похотливая скотина, ее уловки не подействуют.

– Какая ж ты дурочка, Фанни, хоть и старше! – вздохнула Хлоя.

Она откинулась на подушки, притянула голову сестры к себе на плечо и быстро зашептала:

– Запомни: плоть сильнее духа. Дух, он где-то там, – Хлоя ткнула в потолок, – а мужчинам хочется удовольствия. Они здесь и сейчас жить хотят. Охота, карты, выпивка, война, доступная любовь. Благородные тоже мужчины и тоже хотят. Женщины для них делятся на тех, кого бы они уложили в постель, и тех, на кого не встанет. Я отношусь к первой категории, ты, надеюсь, тоже, иначе намыкаешься. Равнодушны к женщинам лишь те, кто их боится, презирает, уже не может или любит мальчиков. Остальных всегда можно соблазнить. Пойми, глупышка, что для мужчин близость естественна, для здоровья полезно, – продолжала поучать младшая из сестер. – Женщинам, к слову, тоже, не гони супруга, потерпи, потом понравится. А пьяный мужчина... Кто меня давеча изнасилованиями пугал? – припомнила она. – Вот! Поэтому прикуси язычок и помоги. Для нашего общего блага. Между прочим, раздвигая сегодня ноги под Амати, я спасаю отца от бесчестья, возвожу семью на пьедестал.

– Понимаю, – кивнула Стефания, – только, если бы ты блюла заветы чистоты, проблем бы не возникло. И говори тише: услышат.

Уши ее горели.

Как можно обсуждать подобные темы? Стефания постеснялась бы говорить о таком даже с духовником.

– Слуги? – Хлоя передернула плечами. – Нет, сегодня такой гвалт из-за бродяг, с их тамбуринами ничего не расслышишь.

О да, сестра права, когда в город приезжают кочевники, можно беспрепятственно договориться об убийстве под носом у капитана стражи. Ряженные, с песнями, плясками и музыкой проходившие по улицам, появлялись в Грассе в раз год, разбивали палаточный лагерь за стенами и три дня веселили горожан горластым искусством. Попытки прогнать их ничего не давали, только озлобляли. Однако поговаривали, будто этот год последний, король издал указ, по которому возмутителей спокойствия уничтожат.

Утром кочевники уезжали, как всегда, на рассвете, поэтому сегодня веселились до упаду, грозя лишить сна добропорядочных горожан. Те, впрочем, в долгу не останутся: спустят собак, выльют на головы нечестивцам содержимое ночных горшков, познакомят с палками, а стража вдобавок и оштрафует. Так что смолкнут вскоре тамбурины, устанут вертеться танцовщицы и заливаются певцы, и поплетется ватага к воротам, чтобы последними покинуть город, переночевав за стенами, уйти тревожить чужой покой.

* * *

Назавтра Хлоя была сама не своя: тиха, послушна, усердна в учебе и молчалива. Стефания пробовала разговорить ее, разузнать о супружеской жизни, но сестра отмахнулась, буркнула: «Потом!» Как ни храбрилась Хлоя, она понимала, все может обернуться против нее, удача – дама ветренная. Лорд Дуглас Амати – не северянин, который не прочь поразвлечься с девушкой без обязательств, а потом уехать, тут другое. Но пути назад нет, она не могла вернуться домой ни с чем: завтра ждали врача.

После обеда Хлоя позвала Стефанию к себе и велела запереть дверь на ключ. Убедившись, что служанка не припала к замочной скважине, она посвятила в ее свой хитроумный план. Сестре отводилась важная роль – поймать Амати на горячем. Хлоя бывала в графском дворце и рассказала, как туда попасть.

– Хорошо бы ты застала нас в постели, – младшая из сестер Эверин нервно расхаживала по комнате. Не хватало только хвоста, а так вылитая тигрица. – В самый интересный момент, когда он почти кончит. Но, вот беда, – вздохнула она, – потайных ходов я не знаю, остаются деньги. Ты уж тоже не поспешишь, дай монетку, пройди без доклада.

– Все хорошо, Хлоя, кроме одной мелочи, – Стефания указала на пробел в плане сестры, – я понятия не имею, где вы уединитесь.

– Узнаешь по крикам, – нервно усмехнулась она. – А, если серьезно, тут нет ничего сложного. Пошлют не за врачом, а сообщат нам. Отец отвечает за дочерей, так? Ему меня и забирать. Ты перехватишь слугу, поспешишь к Амати и, естественно, захочешь видеть сестру. От провожатых откажешься, попросишь объяснить, как пройти... И не забудь припугнуть лорда Дугласа. Соври, будто расскажешь все графу Амати и нашему отцу. Я в свою очередь поклянусь, что Дуглас меня изнасиловал.

– Ты страшный человек, сестра! – вздрогнула Стефания. – Не хотела бы я встать у тебя на пути.

– Не окажешься, – заверила Хлоя. – Родные не враждуют, поможешь мне, налажу твою семейную жизнь. Уверена, рожать каждый год ты не захочешь, а открыто волшебное средство не купить, сразу предадут анафеме. Я же дам бесплатно.

Стефания кивнула. Мыслями она перенеслась далеко от Грасса, в таинственный неведомый Атвер. Какова та земля, как ее примет? Атлас рисовал суровый край, где, казалось, нет места счастью.

Девушка отбросила тревожные мысли и занялась насущными делами. Ей придется врать и изворачиваться сегодня, нужно придумать, как обезопаситься от гнева отца.

Не стесняясь сестры, Хлоя разделась догола. Привычный восхищенный взгляд Стефании заставил улыбнуться. Старшая сестра завидовала ее груди, считала свою чересчур плоской. Мурлыча, Хлоя извлекла из тайника комплект соблазнительного белья. За него лэрд Эверин посадил бы дочь на хлеб и воду. Разложив исподнее на кровати, чтобы Стефания вдоволь налюбовалась, она прошла за ширму, прихватив с собой неприметную баночку. Освежившись и придав в нужных местах телу тонкий аромат, Хлоя оделась. Платье выбрала скромное, но со шнуровкой спереди.

– Вроде бы, легко снимается, – она критично оглядела себя в зеркале. – Дерни за ленты, проверь.

Стефания убедилась, что платье раскрывалось от легкого прикосновения, словно бутон цветка, обнажая корсет, который практически ничего не скрывал.

– Хороший сюрприз я заготовила для лорда? – подмигнула Хлоя.

Сестра кивнула.

– Полночи вчера с завязкой мудрила, – похвасталась младшая из сестер. – Ну, пожелай мне удачи! – вздохнула она и приладила волосы. – И непременно застань нас в постели.

Нужно бы зачесать волосы, заплести их в две косы, но распущенные соблазнительнее. Хлоя прикроет их узорным платком, никто не заметит.

Стефания поцеловала сестру в лоб и заверила:

– Сделаю все, как нужно. Лишь бы ты оказалась в безопасности!

Хлоя слабо, вымученно улыбнулась.

– Ты самая лучшая, сестренка! – шепнула она.

Может, Стефания и скромница, зато отличная сестра.

Они вместе вышли из особняка, укутанные в накидки. Плотные вуали скрывали лица от посторонних. Впереди шел слуга, разгоняя толпу – иначе передвигаться благородным дамам не полагалось. Молчали, не желая спугнуть везенье. Обе думали о своем.

Вечернюю службу сестры отсидели, как обычно. Родители остались дома, да и религия не требовала от них ежедневного очищения души. Юность склонна к греху, ее надлежит постоянно наставлять на путь истинный, а зрелость не нуждается в наставнике, она наделена мудростью бога. Молодые девицы больше других заслуживают пристального внимания церкви, особенно накануне таинства брака или светского обручения, поэтому лэрд Эверин настаивал на том, чтобы дочери посещали вечерние службы. Сам он с супругой присутствовал только на воскресной мессе.

«Скажи, будто я осталась поговорить со священником, – шепнула Хлоя. – Мол, страшусь будущего брака».

Стефания кивнула, и младшая сестра осталась в медленно пустеющем нефе. Она и вправду перебросилась парой слов с иереем, после незаметно выскользнула через боковой придел, словно простолюдинка, и поспешила к месту встречи. Путь предстоял неблизкий, пришлось бежать, подхватив юбки.

Накидка и вуаль полностью скрадывали внешность, девушка специально выбрала подобный наряд. Пусть он не по фигуре, зато никто не признает Хлою Эверин. Она уж точно так себя не изуродовала бы. Наконец Хлоя остановилась у ворот сада при Дворце правосудия. Дом Амати недалеко, если взобраться на скамью, можно разглядеть крышу. Теперь дело за малым – за лордом Дугласом.

Хлоя не стала унимать биения сердца: чем чаще она дышит, тем лучше.

Ворота сада на ночь не запирались. Возможно, потому, что в саду нечего красть. Да и кто осмелится под носом правосудия? Только и оно по ночам спит.

Смеркалось. Лиловые тени ложились на землю, выползая из дальних уголков сада, уже покинутых солнцем. Дневное светило дарило последние ласки большому шумному городу, не обошло стороной и Хлою, мазнув золотом по лицу. Она нервничала – не из-за лорда Дугласа, из-за слуг. Не прибрал ли мальчишка золотые, не забыл ли предупредить? Но тут уж все в руках божьих. В конце концов, врач ее тоже устроит, если к тому моменту Амати успеет снять штаны. Заодно подтвердит, что не утерпел, соблазнился.

Хлоя быстрым шагом направилась вглубь сада, туда, где сгущались сумерки. Лабиринт сада вывел к беседке, увитой плющом – именно там она назначила свидание лорду. Он еще не появился, Хлоя успеет подготовиться: попрактиковаться в мимике и дыхании, отрепетировать свое падение на скамью. Наконец послышались шаги. Девушка встрепенулась и укрылась в тени.

Походка лорда Дугласа вызвала довольную улыбку. Праздновать молодые люди умели, юный Амати успел слегка захмелеть. Неприятно дышать винными парами, но в супружеской жизни наверняка не раз придется. Сейчас бы она сама его с удовольствием напоила, влила втрое больше, чтобы шатало и водило из стороны в сторону. Одно радовало, Дуглас унаследовал не только деньги и земли предков, но и красоту, положим, слишком смазливую для Хлои,

однако пленявшую других дев. Высокий, статный, с чувственными губами и льняными локонами ангела, с него могли бы писать образы в церквях. Добавить васильковые глаза вместо зеленых – и вовсе бог.

– Есть кто живой? – не дойдя пары шагов, окликнул лорд. – Ты смотри, времени у меня мало.

– Надеюсь, его хватит на меня, милорд, – томно проворковала Хлоя. – Мне нужно совсем немного.

Она вышла из тени и подняла вуаль. Амати удивленно посмотрел на нее и, не веря, переспросил:

– Леди Хлоя?

– Увы, та самая несчастная, которая решила искать у вас помощи, – для убедительности она пустила одинокую слезу. – Только вам я могу довериться.

Хлоя картинно вздохнула и сделала шаг вперед с расчетом, чтобы потом упасть на скамейку – вряд ли Дуглас поймает.

– Чем же я могу вам помочь? – растерянно пробормотал юный лорд.

Молодой человек немного протрезвел и, спохватившись, приветствовал будущую невесту поцелуем руки. Хлоя позаботилась о том, чтобы она дрожала, начала шумно часто дышать, будто задыхаясь. Она отпрянула и покачала головой.

– Нет, я поступила опрометчиво, написав вам. Вы ничего не должны знать!

– Клянусь, от меня никто ничего не узнает! – патетично заверил Дуглас.

Хлоя провела рукой по лбу и потянула за завязки накидки.

– Они душат меня, милорд. Право, я не знаю, с чего начать... – Она блестяще играла выбранную роль – столь естественное стеснение, срывающийся голос. – Девушке неприлично говорить такое мужчине, но судьба не оставляет выбора. Вы единственный, кому я доверяю.

Ресницы ее опустились, рот слегка приоткрылся. Выждав паузу и изобразив затуманенный страстью взор, Хлоя шепотом продолжила, разыгрывая невинную деву:

– Право, я не знаю, что это. Когда вы так близко, я не могу говорить, сразу так горячо. Но, право, вам это неинтересно.

– Почему же, мне интересно все, что связано с вами, леди Хлоя.

Самолюбие лорда расправило крылья. Он предвкушал объяснение в любви: иначе что привело будущую невесту в сад в такой час? Однако Хлоя неожиданно встрепенулась, замотала головой и заявила, что ей лучше уйти.

– Отчего же?

Лорд хотел слышать ее признание, не желал отпускать без ласкающих слух речей, хотел стать победителем, безраздельно владеть Хлоей без остатка, подчинив своей воле.

– Оттого, что я испытываю к вам недостойные чувства. Я вас...

Не договорив, Хлоя рухнула на скамью, эффектно раскинув руки. Накидка сползла, обнажив вздымающуюся от редкого, но глубокого дыхания грудь.

Пару минут лорд Дуглас стоял неподвижно и просто смотрел на будущую невесту, любясь ей в лилово-багровых красках угасающего дня, потом опустился на одно колено и попробовал привести девушку чувства – бесполезно. Подумав немного, он решил отнести Хлою во дворец, где бы о ней позаботились. Бережно взяв ее на руки, лорд Дуглас заметил, что рот девушки приоткрыт, обнажив блестящие зубы и кончик языка. Они манили, нашептывали порочные мысли, молодой человек с трудом отвел взор.

Сомнения Хлои насчет слуги оказались напрасными: он с блеском выполнил оба возложенных на него поручения, перехватил конюшего и отправил его не к врачу, а к особняку Эверинов.

Лорд Дуглас уложил драгоценную ношу на постель. Он понимал, нужно уйти, но заверил себя: нехорошо оставлять Хлою одну, лучше дождаться возле нее врача. Ему показалось,

будто платье мешает девушке дышать, и лорд решил слегка ослабить шнуровку. «В этом нет ничего предосудительного, – успокаивал совесть Дуглас, – так она быстрее придет в себя». Атласные ленты скользнули между пальцами, лорд не успел удержать их, и корсаж разошелся, словно створки устрицы, открыл взгляду жемчужину – темно-синий корсет, едва прикрывавший соски. Острые, цвета полевых маков, они манили накрыть их губами и, прикусив, потянуть до грани боли.

Лорд шумно выдохнул. Зрелище оказалось слишком волнительным, а мысли – греховными. Плоть стремительно восставала при виде великолепных полукружий. Отсюда, сверху, он мог вполне оценить груди будущей невесты, представить, как мягки они на ощупь – сущие персики. Не удержавшись, юный Амати обошел кровать, любуясь идеальными формами, подчеркнутыми корсетом. Хлоя не приходила в себя, и, ощущая нарастающее желание, он расстегнул два верхних крючка. Груды спелыми плодами выпали из теснившего их корсета. Лорд не мог отвести взгляда от карминовых полукружий и, прикусив губу, засунул руку за пояс штанов. Пальцы нащупали напряженную плоть. Сообразив, что делает, Дуглас торопливо отпрянул от кровати и вытер ладонь о балдахин.

Врач все не шел, Хлоя лежала в глубоком обмороке. Наверное, она и заночует во дворце, тогда ее следует раздеть.

Лорд потянулся к шнуру звонка, но раздумал. Губы тронула мечтательная улыбка. Нет ничего дурного, если он полюбуется на обнаженную красавицу. В конце концов, ей предстояло стать его женой. Да и нельзя показываться на людях со столь красноречивыми выпуклостями ниже пояса.

Дуглас вздохнул. Безусловно, ему хотелось большего, но придется довольствоваться малым. Хлоя ведь не обидится на пару капель на своей нежной коже.

Он подошел к двери, выглянул в коридор, плотно прикрыл ее. Хотел закрыть задвижку, но раздумал: придет врач, придется объяснять, зачем юному Амати потребовалось уединиться с девушкой.

Нет, Дуглас не поддастся бесам, у него сильная воля. Он просто снимет с Хлои одежду и накроет одеялом. Плоть же успокоится сама.

Опустившись на колени, молодой человек стащил с ножек девушки башмачки и задержал пальцы на тонких щиколотках. Такие изящные, они казались верхом совершенства. Старательно сдерживая нарастающее возбуждение, грозящее стать болезненным, Дуглас бережно приподнял обмякшее тело и отыскал крючки юбки платья, скрытые поясом. Пальцы плохо слушались, взгляд неизменно возвращался к тяжелым грудям. Но раз они все равно лежали поверх корсажа, не стоит ли и вовсе снять его? Сказано, сделано. Теперь Хлоя лежала на кровати в корсете, нижней юбке, чулках и панталонах. Пожалуй, корсет тоже лишний, он только сдавливает нежную кожу. Она предназначена для мужских пальцев, а не для грубой ткани.

Губы Хлои оставались приоткрыты, и Дуглас поцеловал их. Сначала робко, потом дерзко, коснувшись языка.

Желание решительно заявило о себе, затмив разум.

Оторвавшись от губ недвижной Хлои, лорд осмелел и поцеловал шею. Девичий запах пьянил, манил зайти дальше, и язык устремился в ложбинку между грудями. Кожа там оказалась особенно сладкой, острые соски молили накрыть их ртом. Дуглас не помнил, когда овладел ими. Сначала легкие поцелуи, затем плотно обхватить, втянуть и поиграть языком. Пальцы ласкали груди, наслаждаясь их полнотой.

Лорд на мгновение замер, прислушиваясь, и, неохотно отпустив добычу, потянулся к завязкам нижней юбки: по его мнению, они тоже мешали дышать.

Хлое стоило большого труда сдерживать улыбку, когда пальцы вернулись к соскам. Она знала, теперь он не сможет остановиться. Так и произошло. Обуреваемый желанием лорд терзал девичью грудь губами; рука нетерпеливо скользнула в панталоны Хлои. Пальцы ненадолго

задержались на чувствительном бугорке и устремились внутрь, сразу два: Дуглас не церемонился. Выдержка помогла девушке не дернуться. Лорд вторгался грубо, быстро, резко, совершенно не думая о чужом удовольствии. Панталоны мешали, и он быстро от них избавился.

«Она все равно почти моя жена».

Дуглас широко развел девичьи бедра и ввел третий палец. Еще один тер бугорок, будто Хлоя, словно джин, могла возбудиться от подобных вещей. Она с нетерпением ждала, когда ему наскучит, но вот, наконец, лорд стянул штаны и лег на девушку. Дуглас неглубоко ввел член и в истоме прикрыл глаза. Хлоя не очнулась, фонтаном не брызнула кровь, и юный Амати, забыв обо всем на свете, вошел во всю длину. Затем снова и снова. Бедрa его без усталости двигались, член безжалостно вторгался в девушку, стремительно приближая разрядку. Лорд мимоходом отметил, что обычно его достоинство двигалось легче, и списал неудобства на девственность Хлои. Впрочем, она сейчас его не интересовала, во всяком случае, меньше собственного удовлетворения. Алкоголь, мысли о любви Хлои и прыгавшие от толчков внутри ее тела груди еще больше распалили Дугласа, заставив забыть обо всем на свете. Он раз за разом со всей страстью насаживал девушку на член и, увлекшись, не заметил, как отворилась дверь. Зато Хлоя, не разделявшая возбуждения жениха, расслышала характерный скрип и, восторженно вскрикнув, в ужасе закричала, сиюминутно отпихнув распаленного лорда. Она вопила, брыкалась, Дугласу против воли пришлось соскочить с кровати... чтобы встретиться глазами со Стефанией.

Хлоя истошно завизжала и поспешила прикрыться одеялом.

Незадачливый насильник, пытаясь путанно объясниться перед старшей дочерью лэрда Эверина, прикрывал ладонями причинное место. Он не решался одеться при Стефании, повернуться к ней спиной. Пьяный угар улетучился, Дуглас проклинал себя за несдержанность, но сделанного не воротишь.

Раскрасневшаяся то ли от смущения, то ли от возмущения Стефания пообещала рассказать об увиденном лорду Амати и лэрду Эверину.

– Во всех грязных подробностях, милорд!

Дуглас окончательно упал духом. Может, правы святые отцы, и грех неизменно влечет горькую расплату.

Пока сестра опозоренной Хлои кричала на провинившегося лорда, виновница переполоха спешно оделась. Она настояла на том, чтобы не пустить в комнату слуг. Стефания соврала, будто миледи испугалась мыши.

Воспользовавшись моментом, юный Амати натянул многострадальные штаны и клятвенно пообещал убедить отца отказаться от освидетельствования невесты. Он бы пошел и не на такое, чтобы скрыть позор. Подумаешь, поклясться, что берет Хлою девственницей!

Слово лорд Дуглас Амати сдержал: врач в особняке Эверинов не появился.

Глава 3

Дорожная карета, покачиваясь, ползла по дороге, нещадно тряслась на ухабах. От ушибов спасали многочисленные подушки, устилавшие сиденья. Что поделаешь – осень! То лили дожди, то ненадолго выглядывало солнце, а ночью и вовсе подмораживало. От дыхания людей и животных тонкой струйкой поднимался кверху пар, в который раз напоминая, они движутся на север.

Стефания целые дни проводила у окна, рассматривая мелькавшие леса, деревни, реки, городки. Ехавшая вместе с ней мать осуждала дочь за ребячество, требовала сидеть смирно, как положено воспитанной девице, но девушка впервые пошла наперекор приказам. Разве могли книги сравниться с новизной мест?

После трех недель пути свадебный поезд въехал на территорию земли Атвер. Окружающий пейзаж показался Стефании холодным и негостеприимным; мать-южанка, долго привыкшая даже к срединному Грассу, и вовсе нашла его ледяным. Кутаясь в подбитую мехом накидку, леди Эверин советовала держать ноги в тепле, воздерживаться от открытых платьев («Тебе только простудиться не хватало!») и не оставлять на ночь открытым окно.

Каменистая земля вздымалась холмами, на горизонте неясной дымкой темнели зубчатые вершины гор. Хмурые атверские леса со всех сторон обступали дорогу, прерываясь на бескрайние, до самого горизонта, пустоши и хлебные поля.

Городки и деревушки тоже были другими. У строений – глухие стены, узкие оконца и высокие крыши, крытые в городах черепицей, а в деревнях – соломой, досками и лапником. Повсюду серый известняк, из которого строили все: от церкви до кладбищенских оград. Высокие прямоугольные колокольни уходили в хмурое облачное небо. На звонницах собирались стаи воронья, противными резкими голосами прорезая тишину.

Стало больше рек, копыта лошадей то и дело стучали по горбатым мостам. У въезда на них мелькали верстовые столбы и изредка трехгранные сосуды для пожертвования.

Одну из остановок сделали в монастыре – далеко не единственном в северном крае. Кажется, местные жители особо чтит бога.

Стефания с удовольствием размяла ноги, прошла по монастырскому саду. Он показался ей печальным: тонкие черные прутья с редкими всполохами листьев. Ветер нещадно обрывал их и бросал под ноги.

За садом, ярусом ниже – для монастыря выбрали один из холмов, – разбили огород. Стефания спустилась туда, чтобы выйти к каменной ограде, посмотреть вдаль: на темную гладь реки с мельничным колесом, дымок от близкого жилья – деревушки вниз по течению, на остроги гор. Ей не хотелось бы жить между заснеженных пиков, она надеялась, они так и останутся тенью.

Отец говорил, через пару дней они въедут в баронство Атвер. Жених встретит их завтра, приедет в монастырь, чтобы сопровождать невесту до замка, но Стефания не желала его видеть. Уже сейчас ей хотелось сбежать из негостеприимного края.

Вскоре пришлось вернуться: отец послал за ней слугу.

Тяжелые массивные своды трапезной сомкнулись над головой Стефании.

Монахи заперли дверь на засов. Его с трудом могли отодвинуть четыре человека. «Неспокойно тут, миледи, да и волки иногда забредают», – ответил на молчаливый вопрос один из божиих людей.

В трапезной семейство Эверин усадили за стол вместе с настоятелем. После краткой молитвы, воздав благодарение Всевышнему за очередной прожитый день и дни грядущие, принялись за еду, приправленную по случаю высоких гостей вином и рыбой.

Женщины по обыкновению молчали. Они раньше мужчин поднялись из-за стола, сделали реверанс и удалились в выделенные им комнаты монастырской гостиницы. Лэрд Эверин с сыном задержались. Они обсудили положения дел в Атвере, последние королевские законы и род Сибелгов. Отца невесты особо интересовала его репутация и доходы. Настоятель заверил: барон – человек ответственный, богобоязненный и богатый, делает щедрые пожертвования.

Ночью выпал снег. Он устлал тонким кружевом двор, крыши, одинокий сад – зима на севере наступала быстрее, нежели в Грассе.

Стефанию разбудили к заутрене. Она не привыкла вставать так рано, но покорно оделась и поплелась на молитву. Без матери и отца: очищать душу надлежало только невесте. По этой же причине настоятель рекомендовал лэрду Эверину ограничить дочь в еде. Отец поблагодарил, но, к счастью, для Стефании, отказался.

– Перед виконтом она должна быть кровь с молоком, а не падающими в обморок мощами, – пояснил он.

Девушка озябла. Церковь оказалась на редкость холодной, хотя, может, Стефания просто легко оделась. Кроме нее под высокими сводами собралась вся монастырская братия. Стефании отвели место рядом с настоятелем. Девушка всегда считала себя набожной, но в то утро усомнилась в своей чистоте и духовности. Она постоянно сбивалась, путала слова молитвы, зарабатывая укоризненные взгляды.

Наконец попытка закончилась, Стефании позволили присоединиться к семье в трапезной.

Завтрак выдали скудный. Его едва хватило, чтобы унять плебейское урчание в желудке. Стефания радовалась тугому корсету, который помог скрыть позор.

Ноэль Сибелг появился после полудня в сопровождении брата и небольшой свиты. Он тепло приветствовал невесту, отдал дань уважения ее родителям и предложил тронуться в путь.

В дорожную карету запрягли свежих лошадей, присланных виконтом, и она покатила быстрее. Правда, и трясти стало вдвое больше.

– Многие позавидовали бы тебе, Стефания, – назидательным тоном прошептала леди Эверин, поправляя накидку дочери. – Стать хозяйкой таких земель! Ты только посмотри, – она указала на мелькавший за хлипкой занавеской пейзаж – там как раз показалась очередная деревня, – какой доход у виконта! Разве у бедного найдется столько крестьян?

Девушка покорно кивала, мечтая вернуться в Грасс. Не нужны ей деревни и деньги, и виконт тоже не нужен.

А мать продолжала:

– Сам не калека, не урод, не столетний вдовец, не скупердяй. Руки отцу целуй, неблагодарная, а не сиди с кислой рожей. Сейчас же улыбнись! Ты обязана сиять, как солнце.

Стефания с трудом выдавила из себя улыбку, когда к карете подъехал виконт. Долгая дорога, накопившаяся усталость и страх перед неизвестностью в чужом мире не повод портить свадьбу. Мать права, отец нашел жениха не хуже, чем у Хлои.

Припомнилась сцена во дворце Амати. Совсем скоро, не пройдет и недели, как Стефания окажется на месте сестры, на нее точно так же ляжет мужчина. Муж. И не просто, а достанет свою штуковину. Она в нее не поместится, а если поместится, причинит боль. Как лорд Дуглас смог засунуть такое в Хлою, да еще глубоко? И если бы просто засунул! Хотя лучше, как лорд Дуглас, чем как священник. И пусть мужская штучка окажется небольшой, чтобы поместилась. Сестра рассказывала, они у мужчин разные.

– О чем задумались, леди Эверин?

Вопрос Ноэля Сибелга прервал размышления о первой брачной ночи. Застигнутая врасплох, она опустила глаза и покраснела.

– Стефания, несомненно, думала о вас, милорд, – вступилась леди Эверин. – О чести, которую ваша милость оказала нашей семье. Стефания не может дожидаться свадьбы, правда?

Мать зыркнула на дочь, и она активно закивала.

– Мне так не терпится увидеть ваш замок, – щебетала Стефания, старательно изображая счастливую невесту. – Далеко ли еще ехать?

– По сравнению с тем, какой путь вы проделали, – сущие пустяки, – заверил виконт. – Я распорядился подготовить комнату, нанял горничную. Вам хватит одной, леди?

Стефания вновь кивнула и, заметив требовательный взгляд матери, завела разговор об Атвере. Виконт оказался немногословен и, отдав долг учтивости, отъехал к лэрду Эверину.

– Он еще раз проверял тебя, – проводив будущего зятя взглядом, просветила мать. – Поздравляю, виконт остался доволен, но в следующий раз больше молчи о себе и больше говори о нем. Пусть заведет речь хоть о роде Сибелгов, хоть об охотничьих трофеях – главное, чтобы беседа доставляла жениху удовольствие. Твои интересы второстепенны. Неужели не заметила, как виконт заскучал – так зачем продолжала спрашивать о всякой чуши?

* * *

Овмен стоял практически на морском побережье, в излучине реки, на каменистой гряде. Утром, когда Стефания впервые увидела его, замок наполовину скрывал туман, поднимающийся от остывшей за ночь земли. Сейчас, на переломе осени и зимы, он казался особенно мрачным и таинственным. Горы, которых так страшилась Стефания, обнимали замок с обеих сторон, правда, оказались не так велики, как ей представлялось. В предгорьях теснились густые леса, темнели отвоеванные у природы пастбища. Только к западу от замка пики вздымались стеной, отрезая людей от внешнего мира.

Виконта с юной невестой встречали фанфарами. На главной башне замка подняли два флага, знаменующие скорый брачный союз Сибелгов и Эверинов.

Свадебный поезд на подъезде к реке встретили слуги во главе с управляющим и осыпали зернами пшеницы. По местной традиции последнюю милю жених и невеста проделали пешком. Стефания даже обрадовалась: хотелось размять затекшее тело. Виконт подал ей руку, помог спуститься на землю. Сапожки девушки тут же увязли в грязи, а, сделав первый шаг, она и вовсе поскользнулась на глинистой почве и, если бы не жених, испачкалась бы в грязи.

– Скорей бы снег выпал, а то студено, опять дорогу развезло. Мерзкое время года! – пожаловался старший Сибелг и, отпустив ее талию, взял Стефанию под руку. – Пойдемте! И держитесь крепче, – посоветовал он, – у реки даже канатоходец ноги переломает. Надо по весне что-то делать.

Девушка поблагодарила за заботу и засемила рядом с будущим мужем, стараясь приноровиться к его широкой быстрой поступи, даже пришлось подхватить подол, выставив на всеобщее обозрение носки дорожных сапожек. Ей, безусловно, пристало носить туфельки, но мать настояла на иной обуви и оказалась права. Хороша была бы Стефания на любом постоялом дворе!

Поравнявшись с управляющим, виконт поинтересовался, все ли готово к предстоящему торжеству. Тот ответил утвердительно, сообщив, что уже съехались первые гости. Остальных ждали завтра.

Воспользовавшись передышкой, Стефания рассмотрела реку, свинцовую и, судя по всему, глубокую. Ее внимание привлекла сизая полоса на горизонте.

– Это море? – позабыв о советах матушки, восхищенно выдохнула девушка.

– Море, – подтвердил Ноэль. – Его видно из вашей спальни. Увы, но после первой ночи мы станем делить брачное ложе в другой комнате. Ночевать у себя вы сможете не ранее, чем через полгода.

Стефания понимающе кивнула. Ей не терпелось оказаться в своей комнате, чтобы рассмотреть таинственное море и суровые, но столь притягательные окрестности. Должно найтись что-нибудь интересное, а не только деревья и камни? По дороге попала парочка деревень,

девушка толком их не разглядела, но из окна кареты поняла, они отличались от привычных. Дома крыты мхом, а не соломой, крыши высокие, острые, стрехи, словно клювы, нависают над землей. Много необработанного камня, иногда им выкладывают простенькую ограду. Видимо, дерево в здешних краях дороже того же известняка.

Вспомнилось поместье отца. Стефания провела там полгода, когда в Грассе свирепствовала эпидемия. Перед взором встали бесконечные луга, прозрачные рощи. Девушка, сдержав вздох разочарования, покосилась на будто вылинявшую долину, где, на первый взгляд, не было ничего, кроме низкого кустарника, вереска и камней. Леса начинались чуть дальше – сизая неприветливая полоса. Деревня притаилась за излучиной реки. Но найдется возле замка еще что-то, может, даже небольшой городок, куда Стефания станет ездить по воскресеньям. Если нет, она сойдет с ума. Может, первая супруга виконта скончалась от тоски?

Покойная хозяйка замка манила тайной. Отец винил во всем беременность, но атмосфера северного края настраивала на мистику. Здесь оживали рассказы кормилицы, пугавшей Стефанию и совсем маленькую Хлою злобными пикси. Может, и виконтессу напугало одно из маленьких зеленых созданий?

Стефания вздрогнула, вообразив ушастого злобного карлика в коридоре замка. Овмен представлялся ей старым, холодным и пустынным. Готовясь к замужеству, девушка успела почитать о земле Атвер – фамильном владении супруга. Баронство прирастало стараниями его предков, стояло на страже короны, отбивая набеги таинственных племен из-за гор. Если верить историкам, Сибелги рождались с мечом в руках. Потом пришли успехи на мирном поприще: дед нынешнего хозяина замка получил корону виконта в придачу к посту в Совете благородных.

Девушка опробовала на языке имя будущего мужа: виконт Ноэль Сибелг, барон Атверский, владетель Овмена. Звучало солидно, как и положено у знатных вельмож, сразу несколько титулов. Аристократы ими дорожили и не согласились бы убрать даже самый захудалый. Они презрительно посматривали на тех, кто не скопил за века замки, городки и земли, дававшие имя владельцу. Как же повезло лэрду Эверину, что Сибелг снизошел до одного из таких обычных дворян!

Ошибочно полагать, будто титул того же барона исчезал, если его владелец становился, скажем, графом. Баронство, то есть крупный надел земли, от этого не превращалось в графство, раз так, управлял им тоже не граф. Отец спокойно мог отписать в завещании один титул одному сыну, второй – другому. В случае с Сибелгами все досталось Ноэлю. Равно как пожалованный титул графа не означал, что к нему прилагалось графство. Столь щедрые подарки король делал редко, ограничивался титулом без земли.

За мостом дорога стала заметно лучше, Стефания больше не опасалась за платье. Она хотела высвободить руку, но виконт не позволил: «Нам подниматься наверх, а вы устали. Обопритесь».

Замок оказался не новомодной поделкой, больше походившей на дворец, нежели на крепость, а оштетинившейся башнями громадиной. Девушка давно заметила его, да и сложно игнорировать зловещую тень над головой, накрывшую весь холм. Она со смесью восхищения и страха рассматривала потемневшие от дождей камни.

Вокруг ни кустика, ни деревца – ровное каменистое пространство, поросшее пожухлой травой. Жутко и одиноко!

Подъемный мост через узкий неглубокий лог, несомненно, природный: человеку просто было бы не под силу справиться с такой почвой, заранее опустили. Тяжелые створки ворот распахнули настежь, решетка подняли.

Стены Овмена, казалось, росли из земли, подобно скалам, преграждали путь. Запрокинув голову, Стефания с трепетом и интересом всматривалась в бойницы, зубчатые дозорные

галереи, массивные башни. Флаг подняли над самой высокой, господской кровлей, пронзавшей низкое осеннее небо. Оно набухло от влаги, того и гляди, разверзнется дождем.

Окрик виконта заставил встрепенуться.

– Потом насмотритесь, – недовольно буркнул он, – у вас в запасе вся жизнь. Замок старинный, без малого пять веков принадлежит роду Атверских баронов. Несколько раз перестраивался.

Проходя под решеткой, Стефания невольно втянула голову в плечи. Она опасалась, что острые пики вонзятся в тело, раскрошат позвоночник, раздробят череп. Жених осмел ее страхи.

– Опасаетесь остаться без головы? Право, в таком случае, моя падет вместе с вашей.

Сомнительное утешение, но Стефания промолчала и, зажмурившись, сделала шаг.

Подол платья волочился по камням, сквозь которые проросла трава.

Они прошли через широкий двор, наполовину занятый садом, наполовину разного рода постройками, и через широкий арочный проход во внутренней стене попали во второй двор. Туда выходило крыльцо господских покоев. По бокам жались к стенам службы; у кухонного флигеля темнел забранный решеткой колодец.

Виконт подвел невесту к крыльцу, обнял за талию и поставил на одну из верхних ступенек.

– Добро пожаловать в Овмен, миледи. – Слова прозвучали бездушно и патетично. – Совсем скоро вы на правах хозяйки примете от него ключи, а пока дождемся остальных. Осмотритесь, задайте вопросы, если пожелаете. Ужинать принято в восемь, обедать в два по полудню. Завтрак – пока на ваше усмотрение, но постарайтесь вставать не позже девяти.

– Разумеется, это ваш дом, ваша милость, – кивнула Стефания и улыбнулась. – Я уважаю традиции вашего рода и рада стать его частью.

– Взаимно, миледи. – Пальцы виконта чуть сжали пальчики невесты – телячья кожа поверх атласа. – Вы станете самой очаровательной невестой Атвера. Признаться, я сомневался, стоит ли соглашаться на брак, но условия оказались столь соблазнительны... Как, впрочем, и вы, – поспешил добавить он.

Ноэль склонился над рукой Стефании. Сначала поцеловал перчатку, затем снял ее и прикоснулся губами к выемке ладони. Девушка застыла, сдерживая дыхание. То, что сделал виконт... Подобный поцелуй слишком интимен.

Губы жениха скользнули выше, к запястью. Потом, совершенно неожиданно, он облилизал один из пальчиков и выпрямился с таким выражением лица, будто рассуждал о погоде, а не грубо пограл приличия. Смутившаяся Стефания хотела напомнить, что подобное поведение на людях неуместно, но раздумала, не стала ставить себя в неудобное положение. Дерзить будущему супругу на глазах отца – сопровождаемый дворней свадебный поезд уже въезжал в арку внутреннего двора – недопустимо.

Лэрд Эверин спешился, передав поводья слуге, и помог выйти из кареты жене.

Стефания заметила, что младший брат жениха, Сигмурт, чем-то разочарован. Причина всплыла в брошенном вскользь вопросе Генриху Эверину:

– Кажется, у вас две сестры, почему же нет второй леди?

– Хлоя готовится к помолвке. Отец почел лучшим не брать ее.

Сигмурт пожал плечами и переменял тему.

Стефания же задумалась. Она ничего не знала о ночном приключении Хлои, только о ее симпатии к северянину, и строила предположения, одно романтичнее другого. Узнала бы сестра, посмеялась.

Хозяева и гости вошли в большой холл, по случаю грядущей свадьбы парадно убранный драпировками цветов обоих родов.

Грозно смотрели со стен шипастые щиты и оскалившиеся морды диких зверей. Над лестницей, казалось, построенной на века и намертво вросшей в каменный пол, висел полный герб виконта: три щита со всеми геральдическими атрибутами.

Стефании вдруг показалось, что она попала в клетку, из которой нет выхода. Замок не походил ни на их поместье, ни на особняк в Грассе, зато напоминал монастырь, в котором они ждали приезда виконта.

Управляющий распорядился накрыть стол с легкими закусками и вином в одной из комнат второго этажа. Он разительно отличался от дворецкого Эверинов – молчаливый, сухопарый... и бесцветный.

Стефанию усадили между двух братьев Сибелгов, прямо под портретом их деда. Ела она мало: сказывалось волнение, больше смотрела и пила воду.

Девушка взвизгнула, почувствовав, что что-то коснулось ее ноги, и бросила гневный взгляд на жениха. Что он себе позволяет?

– Это Бонго.

Виконт отрезал кусок ветчины и наклонился, похлопав по колену. Из-под стола вынырнул большой лохматый пес, съел предложенное лакомство и обнюхал платье Стефании.

– Ваш пес? – улыбнулась девушка – потому, что так положено.

Внутри она обмерла от страха. Вдруг собака укусит ее?

– Сигмурта, – поправил виконт и протянул псу второй кусок ветчины. – У меня тоже есть, – в голосе прорезалась гордость. – Двое. Славные собачки! Держу не из прихоти – они охраняют комнаты.

– Вероятно, у вас есть и охотничьи собаки? – заинтересовался Генрих – известный любитель пострелять птиц.

Он перестал ковыряться в тарелке и наострил уши.

– Целая свора. Если хотите, покажу вам псарню. Держу и выжлятника, – с гордостью добавил виконт. – Мы поохотимся, как только уляжется кутерьма. Приезжайте, буду рад. Зверя много, на любой вкус. Зимой, к примеру, можно потравить лисиц или волков.

После трапезы Стефанию сопроводили в отведенную ей комнату. Она располагалась в главной башне, этажом выше. Просторная и практически пустая с огромной кроватью в центре. Помимо нее отыскался комод для белья, старомодный шкаф-сундук для платьев и верхней одежды, небольшой столик и кресло.

Стефания обрадовалась, обнаружив в комнате камин: в «каменном мешке» наверняка жутко холодно по ночам. Только неизвестно, позволит ли виконт разжигать огонь. По сути, девушка почти ничего о нем не знала. Она учила традиции севера, родословную Сибелгов – сотни мелочей, но понятия не имела о самом главном: каков будущий муж как человек? Злой, добрый, скаредный, щедрый?

Будущая хозяйка замка растерла руки в перчатках. Уже сейчас сквозняки проникали сквозь плотную ткань, а ведь Стефанию запаковали не в один слой материи.

– Разжечь камин, миледи? – живо поинтересовалась служанка – видимо, та самая горничная.

Девушка бросила на нее косой взгляд. Ничего особенного: чепец, передник, серое платье, круглое лицо, светлые, как у многих северян-блондинов ресницы. Низенькая, тихая – словом, тень при госпоже.

– Да, пожалуй.

Стефания подошла к единственному окну, раздвинула портьеры и сквозь мелкую стекольную решетку взглядела в море. Оно оказалось таким же свинцовым, как воды впадавшей в него реки. Ветер будоражил волны, поднимал в воздух брызги, трепал паруса нескольких суденышек, казавшихся отсюда такими крошечными, игрушечными. В небе парили белые птицы. Они кричали так громко и пронзительно, что было слышно даже здесь, в комнате.

– Готово, миледи.

Стефания обернулась и поблагодарила служанку: она всегда вежливо обходилась с прислугой. Она подошла к камину, опустила на расстеленную перед ним волчью шкуру и подставила ладони ласковому пламени. Кожа будто наполнилась солнечным светом. Как же Стефания замерзла! И какая же она грязная! Казалось, вся пыль королевства впиталась в кожу. Девушка попросила нагреть воды, умылась и переоделась. Она думала, хлопоты временно закончились, но нет, явилась леди Эверин и потребовала в последний раз перед торжеством примерить свадебное платье. Мать нашла, что не хватает флердоранжа для вуали, и послала за ним в ближайший город. Стефания все это время смиренно стояла на табурете, молясь не упасть. Туго затянутый корсет давил, кожа под глухим лифом не дышала, из-под юбок не видно ног, становишься неповоротливой. Наряд шили по последней моде, не жалея жемчуга и узорной парчи для гауна – верхнего платья. Все в оттенках белого, подчеркивая невинность невесты, от почти кипенно-белого до нежно-миндального.

Леди Эверин подсутилась, с помощью виконта выписала портниху из ближайшего города. Она под ее чутким руководством устранила ряд мелких погрешностей. К примеру, за время пути Стефания немного похудела, а наряд должен сидеть идеально.

Ужинали под сумрачными сводами главного зала. Он казался непомерно огромным для двадцати человек, собравшихся за т-образным столом: вместе с Сибелгами и Эверинами сидели успевшие обосноваться под крышей замка гости.

Одна из люстр, по сотне свечей в каждой, отбрасывала зловещие тени на развешанное по стенам оружие. Остальные владелец Овмена приказал не зажигать.

Лэрд Эверин вполголоса обсуждал с виконтом детали приданого, остальные тоже нашли собеседников по душе, только Стефания чувствовала себя чужой и одинокой. Сердце сжималось от мысли о предстоящей разлуке с родными и начале новой жизни. Вот бы сейчас посекуретничать с Хлоей! Увы, она осталась в Грассе и наверняка отлично проводила время. На память пришел священник, и Стефания смущенно опустила глаза. Как она сможет смотреть завтра на служителя Господа?

Невесту обуревал страх. Там, в церкви, девушка видела слишком много и до обморока боялась брачной ночи, когда виконт скинет сорочку. Мать мельком обсудила с ней сей деликатный вопрос, и Стефания надеялась, Ноэль поступит пристойно, как и положено дворянину: накроется одеялом и лишь задерет подол. По рассказам сестры выходило другое, она, несомненно, более сведуща в мужчинах, но то любовники, а виконт – муж.

Стефания битый час ковырялась в тарелке, затем, не выдержав, испросила разрешения уйти спать. Остальные остались за столом – ужины частенько завершались за полночь, пока не кончалась выпивка. Сегодня подали кабана, закуски хватало, вряд ли гости разойдутся рано.

Не прошло и пары минут, как замок огласили громкие крики. Поспешившим на помощь мужчинам предстала испуганная Стефания, забравшаяся на стол. Она отчаянно оборонялась от трех волкодавов.

– Назад! – рявкнул виконт.

Собаки мгновенно отпустили слегка потрепанную жертву и уехали у ног Ноэля Сибелга. Он ударил каждого пса по морде, будто перед ним слепые щенки, а не матерые кобели, и прошипел: «Своя. Следить – не трогать». Собаки понуро потупились.

– Вы сильно пострадали, леди Эверин? – Сигмурт галантно подал Стефании руку, помогая спуститься. – Осторожнее: по ночам они бродят по замку. К сожалению, усмирить их способен только Ноэль.

Девушка оправила юбки и смущенно ответила:

– Всего лишь пара царапин. Я больше испугалась.

– И порвали платье, – цокнул языком будущий деверь. – Примите извинения от моего имени и имени брата. Давайте я посмотрю ваши царапины.

Сигмурт опустился на колени и попросил слегка приподнять порванный подол. Стефания повиновалась. Мужчина, нахмурившись, осмотрел порванные чулки и обернулся к Ноэлю:

– Ее хватанули. Наверное, твоя сука: она самая злобная.

– Seriously?

Виконт подошел к испуганной невесте и сменил у ее ног Сигмурта. Он задрал подол до колен и осторожно дотронулся до кровоподтека. Стефания дернулась и прикусила губу. Больно!

– Я примерно накажу их, – пообещал виконт. – Этого больше не повторится. Позвольте донести вас до комнаты?

Не дожидаясь ответа, Ноэль поднял Стефанию на руки и, заверив, что царапины не помешают танцам, отнес в спальню. Он бережно опустил ее на кровать и велел принести бренди. Девушка отнекивалась, но жених таки влил в нее немного: для успокоения.

Горничная принесла кувшины с водой: холодной и горячей, потом вернулась с двумя тазами: побольше и поменьше. Перед тем, как смешать воду, служанка обработала ранки. После попросила госпожу раздеться:

– Я вас оботру.

Стефания не привыкла к подобным процедурам. В Грассе она всегда принимала ванну, да и днем ей тоже натаскали воды. Однако пришлось смириться и встать в большой таз. Служанка аккуратно, стараясь не потревожить повязки, намылила тело и окатила ее водой из маленького таза. Вытерев госпожу, горничная подала ночную рубашку и пообещала принести грелки. Сначала Стефания не поняла для чего, но, оказавшись в постели, на которой вольготно разместились бы трое, убедилась, без них заснуть не удастся, даже с догорающим камином.

* * *

Постепенно съезжались гости. Овмен сумел вместить всех, хотя их набралось немало: виконт Сибелг занимал высокое положение в обществе, считался первым дворянином Атвера. Несомненно, это грело самолюбие лэрда Эверина. Он предвкушал вторую свадьбу, столь же пышную, что и первая. Не каждый день раскланиваешься с маркизами и графами. Признаться, лэрд начал подумывать, а не поторопился ли он с выбором невесты для сына, не продешевил ли? Как же высоко забрались его дочери, как же высоко вознесут его!

Стефанию количество гостей пугало. К счастью, мать оградила ее от лишних волнений, выхлопотав дозволения трапезничать у себя.

Замок бурлил как развороченный улей. Делались последние приготовления, собирався огромный стол в главном зале, шесть поваров готовили кушанья на пятьсот человек. Стефания ничего не видела, покидая спальню только для молитвы и вечерней прогулки по саду. Его уже тронуло дыхание зимы, в Атвере она наступала быстро.

Наконец настал день свадьбы.

Невесту разбудили затемно, тщательно вымыли и натерли душистыми травами в четыре руки. Затем под бдительным оком леди Эверин начали одевать. Стефания продрогла, пока затягивали корсет и крепили пояс с кринолином. Первый затянули так туго, что она едва могла дышать. Ноги облачили в тончайшие шелковые чулки с кружевом. Точно такое же украшало панталоны, которые, по мнению, Стефании больше подошли бы сестре.

– Ты должна соблазнять, а не вселять скуку! В твоих же интересах скорее зачать наследника.

Леди Эверин ударила по руке дочь, пытавшуюся натянуть панталоны повыше. Стефания вздохнула и кивнула, беспрекословно смирившись с алыми подвязками.

Платье с открытыми плечами как нельзя меньше подходило для холодного замка, зато позволяло любоваться красотой фигуры невесты, богатыми переливами ткани платья, затейливой отделкой из кружева, вышивки, драпировок и жемчуга.

Волосы уложили в сложную прическу, скрепленную заколкой с бриллиантами – подарком жениха. К ней крепилась плотная вуаль, украшенная, как и желала леди Эверин, флердоранжем и всевозможными полудрагоценными камнями от прозрачного до молочного оттенка. Весила она столько, что Стефания с трудом держала голову прямо.

Наряд довершали бледно-розовые туфельки, перчатки до локтя и фамильные бриллианты: их, как старшей дочери, подарили родители.

Напудренная, одетая и надушенная, невеста дрожала и куталась в вуаль, словно в накидку. Увещевания матери не помогали, Стефания страшилась будущего: отныне она переходила роду Сибелгов.

Священник исповедал невесту, лэрд и леди Эверин терпеливо ждали за дверью. Он задавал стандартные вопросы: часто ли ходила в церковь, блюла ли целомудрие, подчинялась ли воле родителей. Стефания покорно отвечала, хотя мыслями витала далеко отсюда. Ей хотелось поговорить со святым отцом о браке, но в ответ на робкое любопытство услышала лишь: «Не отвлекайся, дочь моя».

Наконец исповедь закончилась. Отворилась дверь, и священник вывел за руку невесту. Из-за наброшенной на лицо вуали Стефании поневоле приходилось целиком и полностью полагаться на поводыря: сама она практически ничего не видела сквозь плотную ткань. Отец взял ее за другую руку, и власть земная и духовная повели невесту вниз, к экипажу.

Под славословие дворни пестрая вереница карет и всадников двинулась к монастырю Святого покрова. На полпути пришлось бросить экипажи: горная дорога круто взбегала наверх, не проехать. Дам пересадили на лошадей, мужчины пошли пешком.

Монастырь Святого покрова выбрали для проведения церемонии и не просто так, ведь для свадьбы подошла бы и деревенская церковь, и замковая капелла. Во-первых, собралось много гостей, они бы не вместились в узком нефе скромного Божьего дома. Другое дело – старинный монастырский собор. Во-вторых, данное место пользовалось доброй славой среди местных жителей. По поверью, благодать Господня спускалась на головы тех, кто переступит его порог, а частица Святого покрова дарила здоровье.

Сочетать браком виконта и леди Эверин должен был настоятель монастыря.

Каждый шаг отдавался ударом сердца.

По-прежнему задыхаясь под вуалью, Стефания в сопровождении отца и священника переступила порог древнего аскетичного собора, казавшегося продолжением скалы, на которой его возвели. Она мелко перебирала ногами, опасаясь запнуться. Ткань слишком плотная, даже силуэтов не видно.

Запели певчие, ожили колокола на звоннице. И смолкли, когда двери собора закрылись за последним гостем.

Священник отошел в сторону, уступив место виконту Сибелгу. Он и лэрд Эверин на вытянутых руках довели Стефанию до алтаря. Там отец откинул вуаль с лица дочери. Девушка с облегчением вздохнула, огляделась и поняла, что волнения только начинаются. Мрачный собор, Ноэль, которого ей через пару минут предстоит назвать мужем, множество незнакомых лиц и суровый лик Бога внушали почти панический ужас.

Отец дал последние указания и занял место подле супруги.

Стефания закусила губу, чтобы не опозорить семью, не упасть в обморок. У нее подкашивались ноги, кровь отлила от лица.

Совсем одна!

Пальцы в руке виконта чуть подрагивали, но он, мнилось, не замечал волнения невесты.

Брачующиеся поклонились настоятелю и взошли на возвышение, где преклонили колени перед ликом Господним. Приор не стал утомлять собравшихся долгой проповедью, коротко рассказал о таинстве брака, его значении и обязанностях, которые принимают на себя муж и жена. После выяснил, является ли желание соединить судьбы добровольным, не видит ли кто препятствий оному, не имеют ли жених и невеста прочих брачных обязательств, пусть и давних, и приступил к сути обряда.

Виконт сухо, не задумываясь, согласился взять девицу Эверин в жены и встал. Стефания произнесла «да» и слова брачной клятвы тихо, нерешительно, но настоятель не заставил повторять.

– Отныне и присно вы есть одно тело и душа. Да растворится жена в муже своем, а муж не злоупотребит своей властью. Объявляю виконта Ноэля Сибелга, барона Атверского, владельца Овмена, супругом леди Стефании Эверин, а ее провозглашаю женою его со всеми титулами мужа. Что соединил Бог – да не разрушит человек! Можете обменяться кольцами и подарить супруге первый поцелуй.

Ноэль Сибелг извлек из внутреннего кармана парадного камзола бархатный футляр, раскрыл его и попросил служку подержать. В ярком свете дня и свечей блеснули золотые кольца с гравировкой. Мужское – массивное, с большим алмазом, женское – тоньше, изящнее, с мелкой россыпью тех же камней. Гравировка – выведенное вязью имя рода. Виконт первым надел кольцо на палец супруги и с легкой улыбкой проследил за тем, как Стефания неловко проделала то же самое.

Первый поцелуй вышел не таким, каким ожидал настоятель. Ноэль взял в ладони лицо жены, смял мешавшую вуаль и легко прикоснулся к губам. Стефания выдохнула, успокоилась – рано. Супруг не думал отстраняться, лизнул губы, словно пробуя на вкус, и приоткрыл рот опешившей жены. Его язык бесстыдно переплелся с ее языком и неизвестно, что проделал бы дальше, если бы не тихое покашливание приора. Виконт неохотно оторвался от губ жены, взял ее за руку и продемонстрировал собравшимся окольцованные пальцы.

– Приветствуйте ее милость виконтессу Стефанию Сибелг, баронессу Атверскую! – выкрикнул он. – Да ниспошлет Бог ей плодородное чрево!

Поднявшиеся со скамей гости ответили громогласным: «Приветствуем!», а Стефания покраснела до корней волос. Похоже, супруг намеревался часто посещать спальню. Плохо!

Гости потянулись к выходу, а молодые вслед за настоятелем прошли к капелле, где хранилась монастырская реликвия. Приор отворил ковчежец, явив взору полуистлевшую ткань. Супруги по очереди приложились к ней губами.

В Овмене молодоженов встретили музыкой, пением и ликованием. Девочки из соседних деревень бросали под ноги свадебной процессии зерна пшеницы и лесные орехи, мальчики устилали дорогу от моста до замкового крыльца еловым лапником.

Служанки осыпали Стефанию с крыльца мелкими монетами. Она подняла, сколько смогла, и бросила в толпу. Девушки жадно принялись их ловить, желая так же удачно выйти замуж. Мужчины посмеивались, наблюдая за тем, как их дочери, чуть ли не дерутся за монетки. Аристократия аристократией, а некоторые традиции не искоренить.

Пол главного зала устилали цветы. Казалось, он превратился в благоухающий сад. Зажгли свечи во всех гигантских люстрах, мерцали канделябры на огромном столе. Он, словно змея, оплетал зал, оставив посредине прямоугольник для танцев.

Молодожены заняли место на возвышении, в кругу близких. Они сидели лицом к гостям, в торце зала. Стефания боялась пошевелиться, изучала алую скатерть. Она мало ела, практически ничего не пила, хотя в ее честь с завидным постоянством провозглашали тосты.

– Вам не нравится еда? – шепотом поинтересовался виконт. – Попробуйте гусяного паштета, он необычайно нежен. И пригубите, наконец, бокал, – он чуть повысил голос, отчего девушка судорожно сглотнула. – Вы выказываете неуважение гостям.

Стефания покорно взялась за вилку и нож, пытаясь найти успокоение в еде. Она и в правду оказалась хороша: и паштет, и спаржа, и перепела.

Громкие речи и подарки сменили будничные разговоры. Стефания выдохнула: она больше не являлась центром внимания важных особ. Правда, настигла другая напасть: она замерзла. На помощь пришел супруг, провозгласивший начало танцев.

Супруги первыми встали из-за стола и прошли на приготовленную площадку. Ноэль с удовольствием обнял и привлек к себе жену, шепотом поинтересовавшись: «Ну как, теперь вам теплее?» Она кивнула. Впервые мужчина оказался так близко, Стефания даже чувствовала его запах. Прежние кавалеры чинно держали за руку – но не муж.

С первыми тактами музыки виконт вернулся в рамки приличий.

Танцы немного отвлекли Стефанию. Она повеселела; кровь прилила к лицу. Виконтесса танцевала бы и дальше, если бы не стеснявшая дыхание шнуровка и неудобный, слишком длинный, подол платья. Пришлось вернуться за стол. Уняв сердцебиение, девушка с аппетитом поела и в ожидании десерта приняла участие в игре в шарады. Стефания от души посмеялась, позабыв и о тесном корсете, и о титулах гостей, и о собственных страхах. Затем, на правах хозяйки, она разрешила торт и раздала куски гостям. Каждый в ответ что-либо желал ей и ее супругу.

Пока ели десерт, стемнело.

Бросив взгляд в высокое стрельчатое окно, виконт вытер губы салфеткой и встал, потянув за собой супругу.

– Прошу прощения, но мы с миледи должны вас покинуть. Пейте, ешьте, развлекайтесь – все к вашим услугам.

Стефания покраснела, вновь очутившись под прицелом пристальных взглядов. Мужчины ухмылялись и понимающе кивали. Знакомые виконта и вовсе откровенно желали молодоженам приятного времяпрепровождения.

– Да, несомненно, супружеский долг – самый приятный из всех, – улыбнулся Ноэль. – Доброй ночи, милорды и миледи!

Сигмунт Сибелг тоже встал и, приняв из рук слуги подсвечник, пошел впереди молодых, освещая дорогу.

Девушка думала, она умрет, не дойдет до спальни. Как юная виконтесса могла забыть о грядущей первой брачной ночи! Девушка избегала смотреть на супруга, которого, похоже, забавляла робость жены.

Служанки с приглушенным смехом выпорхнули из спальни и прошебетали: «Все готово, милорд!» Виконт кивнул и распорядился принести вина и теплой воды. После кивнул ново-брачной:

– Прошу, жена!

Стефания словно окаменела, уставившись на расстеленную кровать. Память раз за разом воскрешала подсмотренную близость. В обоих случаях мужчина не церемонился, щедро насыживал на вздыбленный кол, быстро и жадно. Стефания не выдержит, у нее там совсем узко, не как у Хлои. А муж и не заметит, продолжит протыкать истекающее кровью тело.

Стефания ударила себя по щекам, отгоняя жуткое видение.

Матушка и сотни других женщин прошли через первую брачную ночь. Может, он сделает иначе, чем любовник Хлои, сразу выйдет, всего минутку потерпеть.

– Не бойтесь, миледи, все будет хорошо, не умрете, – подмигнул Сигмунт и поставил подсвечник у кровати.

Обернувшись к брату, он поинтересовался:

– Уговор остается в силе?

– Безусловно, – кивнул Ноэль и, расстегнув камзол, небрежно швырнул его в кресло с тканевой спинкой. – Можешь принести масла, полагаю, потребуется много. Сам-то выдержишь?

– Выдержу, – заверил Сигмурт.

Стефания в недоумении переводила взгляд с одного на другого. О каком уговоре речь, зачем масло? Она все еще стояла на пороге, хотя понимала, рано или поздно придется войти.

Матушка говорила, муж проводит до опочивальни и удалится. Служанки приготовят Стефанию, облачат в длинную ночную рубашку и оставят одну свечу. Вернется муж и сделает свое дело, после уйдет. Подробностей леди Эверин не касалась. Однако виконт не собирался уходить, выслал служанок, а тут еще его брат, смотрит, оценивает, Стефания даже прикрыла ладонью грудь. К счастью, он вскоре ушел, правда, отчего-то не пожелал покойной ночи.

Виконт легонько потянул жену внутрь комнаты и закрыл дверь.

Стефания в нерешительности замерла посреди спальни.

– Где моя горничная, милорд?

– Она тебе не потребуется, – усмехнулся Ноэль. – Я сам раздену и сделаю все остальное.

Для начала разожжем камин. Ты пока сними украшения.

Озадаченная девушка повиновалась.

Сбылось предчувствие, похоже, заготовленная батистовая ночная рубашка не потребуется. Следовало бы догадаться по тому белью, в которое ее обрядили. Почему, почему мать ничего не сказала?!

– Так не положено, милорд, – Стефания попыталась соблюсти формы приличия.

– Я хочу и так будет, – отрезал виконт и, ухватив за подбородок, поцеловал.

Теперь язык Ноэля, не стесняясь, исследовал рот девушки, а после, издеваясь, проделал то, что супруг намеревался вытворять с совсем другим местом. Стефания сначала обмерла, а затем отпихнула виконта. Тот рассмеялся, покачав головой, и, наклонившись, разворотил кочергой угли. Они вспыхнули, требуя пищи, и Ноэль щедро подложил поленья.

– Ну вот, – он выпрямился и довольно отряхнул руки, – теперь вы не замерзнете.

Стефания промолчала.

Значит, ей придется обнажиться перед мужчиной. Страшно и стыдно! А еще больно, не хотелось стонать, как сестра. С другой стороны, если муж хочет ее – это хорошо. Может, Ноэль даже ее любит. Лицо Стефании прояснилось. Если любит, не станет мучить, сделает брак счастливым.

Девушка искоса глянула на расположившегося в кресле Ноэля Сибелга: симпатичный, мужественный. Стефания убедилась, что полюбит мужа и проживет с ним остаток жизни, как напутствовал настоятель.

Не зная, как поступить, Стефания опустилась на кровать, сложив руки на коленях.

В дверь постучали.

Виконт открыл дверь, и слуга поставил на столик бутылку вина и три бокала. Вслед за ним горничная принесла воду и тазы для умывания. Оба быстро откланялись, пожелав супругам доброй ночи.

– Ну, идите ко мне, милая женушка, выпьем за наш союз.

Виконт поманил Стефанию. Она покорно подошла и встала перед супругом все в той же ученической позе. Ноэль приподнялся, подался вперед и усадил ее на колени.

Дыхание мужа щекотало ухо, рождая стаю мурашек.

Поглаживая супругу по муаровой вставке лифа, виконт наполнил бокалы и протянул один Стефании. Другой взял сам, а третий оставил на столике. Виконтесса не понимала, кому он предназначен, решила, что духам: мало ли, какие на севере традиции?

– Полагаю, вуаль тебе больше не понадобится.

– Счастлива от нее избавиться, милорд, – смущенно, призналась Стефания.

– Так давай ее выбросим? – подмигнул Ноэль и, немного повозившись, закинул вуаль в дальний угол.

Девушка улыбнулась и поправила растрепавшуюся прическу. Без вуали действительно стало легче, даже дышалось иначе.

– Полагаю, гаун тоже лишний, – виконт по-хозяйски положил ладонь на бедро супруги и забрался пальцами под запахнутый край верхнего платья, поймал декоративный пояс и задумчиво спросил, указав на украшавшие его камни: – Жемчуг ведь символ девственности?

– Совершенно верно, милорд.

Стефания чуть покраснела и, повинувшись воли мужа, развязала пояс. Он с легким шорохом сполз по юбкам, звонко ударился о пол.

– И ты девственница, милая моя?

Ноэль отставил фужер и слегка прикусил ушко супруги. Губы коснулись шеи, язык лизнул подбородок.

– Да, милорд, – выдохнула девушка. – Врач подтвердил.

– Скоро я сам проверю. Ты ведь знаешь, мужчину не обманешь.

Губы виконта пустились в путешествие по девичьей коже, замерли на оторочке лифа.

Стефания задержала дыхание и, переборов оцепенение, решившись, вытащила из волос фероньерку – украшение в виде ленты с небольшой подвеской-жемчужиной. Пара движений, и темные пряди рассыпались по плечам. Девушка инстинктивно понимала: так нужно.

– Где носит Сигмурта? – недовольно пробормотал Ноэль. – Его только за смертью посылать!

Сигмурт? Стефания удивленно приподняла брови. Муж опять поминал брата, хотя ему тут не место.

– Встань!

Ноэль, сопел, возясь с гауном. Потайные пуговицы верхнего платья не желали поддаваться, но виконт не сдавался. В итоге ткань таки сползла на пол, прикрыв пояс. Стефания переступила через нее и, ощущая себя голой в трех слоях ткани, потянулась за бокалом вина – сейчас он пришелся кстати. Краем глаза она видела, как муж снял жилет и расстегнул кружевной ворот белой рубашки, обнажив часть поросшей мелкими бесцветными волосками груди. Они казались Стефании безумно греховными и одновременно манящими, как любой порок. Раздвигая Ноэль целиком, вызывал бы страх, отвращение, а тут – интерес, влечение.

Дверь снова запахнулась, и на пороге возник Сигмурт. Пламя свечи в его руках трепетало, играя бликами на странном сосуде, напоминавшем лампадку.

– Наконец-то! – накинулся на него виконт.

– Гости, – флегматично пожал плечами младший Сибелг и, к удивлению Стефании, запер дверь на ключ, который небрежно кинул брату. Тот поймал и повесил на связку на поясе. – Нельзя возбуждать подозрений.

Пытливый взгляд Сигмурта скользнул по невестке. Девушка стойко выдержала его, хотя интерес деверя явно выходил за рамки приличий. Он изучал ее, словно муж, и, кажется, нашел привлекательной. Вторично Сигмурт осмотрел уже иначе, лаская, срывая покровы. Тут Стефания не сдержалась и прикрыла вырез ладонью.

Грудь вздымалась от учащенного дыхания.

Кто придумал такие глубокие декольте? Безусловно, они выставляют тело в выгодном свете, помогают похвастаться драгоценностями, но привлекают мужчин. В данном случае – Сигмурта Сибелга. Опершись о косяк, он и не думал скрывать своих мыслей. Легкая улыбка блуждала по губам.

– Ну, теперь все в сборе, – кивнул Ноэль. – Мы с женой уже выпили по одному, догоняй. А баночку поставь... – он на мгновение задумался. – На столик возле бутылки, потом разберемся.

Стефания полагала, что, выпив с ними бокальчик-другой, деверь уйдет, но он не ушел. Закинув ногу на ногу, тоже разоблачившись до рубашки, Сигмурт вольготно устроился на шкуре у камина. Он лениво поворошил дрова, подарил прожорливому огню новую пищу.

– А разве ваш брат?... – неуверенно начала Стефания.

Совсем не так она представляла начало брачной ночи – будто посиделки! Или муж не может – случается ведь такое. Тогда брату придется заменить его на брачном ложе.

Боже правый!

Стефания до боли сжала пальцы.

Ничего, она справится. В любом случае, останется только один мужчина.

Ответ мужа заставил хватать ртом воздух.

– Мы с детства привыкли делить все пополам, но я стану первым.

Стефания вздрогнула и кинулась к двери. Виконт опередил, поймал и запечатал рот поцелуем.

– Ну же, хватит! – Его пальцы зарылись в волосы. – Подумаешь, Сигмурт посмотрит.

– П...п...посмотрит? – с трудом выдавила из себя девушка.

Она дрожала, словно в лихорадке.

– А потом немного увлажнит твоё лоно.

Стефании казалось, будто она превратилась в великую грешницу и угодила в преисподнюю. Столько лет блюсти заветы Господа, чтобы участвовать в оргии!

Между тем Сигмурт поднялся и присоединился к новобрачным. Он погладил испуганную Стефанию по волосам и наполнил для нее очередной бокал:

– С вином девочкам легче.

– Это противоестественно! – выкрикнула девушка и, вырвавшись из цепких объятий мужа, расплескала вино. – Я не стану молчать, все узнают!

– Стены толстые, никто ничего не услышит, а ключ у меня. Сигмурт, начнем, пожалуй.

Стефания застонала от безысходности. Муж не только не испугался, он будто и не слышал ее слов.

– Мы еще не знакомы, а вы уже так меня невзлюбили? – укоризненно покачал головой Сигмурт.

Он неожиданно вырос за спиной и поцеловал ладонь невестки. Стефания вырвала ее, попыталась дать пощечину, но деверь успел перехватить руку. То же он проделал и со второй. Однако девушка не собиралась терпеть. Она истошно звала на помощь, колотила каблучками по ногам деверя, но он держал крепко, стойко снося удары.

Ноэль потянулся к шуровке платья и шикнул на супругу.

– Хватит, миледи! Соппротивление бесполезно, только устанете, испортите наряд. Мы овладеем вами по очереди, нет никаких причин для волнений. Вам все равно придется принять член мужчины и не единожды, так какая разница, кому он принадлежит.

– Большая! – не сдавалась Стефания. – Пусть ваш брат уйдет, и вы получите свое.

Она ощущала, как лиф платья слабеет, еще немного, и он откроет нательную рубашку и корсет.

Сигмурт отпустил Стефанию, но не ушел, остался стоять в паре шагов от невестки, судорожно придерживавшей на груди свадебное платье.

– Раздевайтесь. Я приказываю. Вы моя жена и обязаны подчиняться.

Голос Ноэля звучал жестко и властно. Ему надоело играть, потакать капризам девчонки.

– И ты сядь, – виконт указал брату на одно из матерчатых кресел. – Подвинь, как удобно, и не вмешивайся. Совместные развлечения потом, она девственница.

– Будто не понимаю! – скривился Сигмурт и повиновался, прихватив бокал с вином.

Сгорая от стыда, чувствуя себя портовой девкой, Стефания повернулась спиной к мужчинам и начала раздеваться. Разумеется, сама не справилась, пришлось попросить мужа помочь.

На столик легли перчатки. Возле кровати встали туфельки и верхняя юбка.

Под прикрытием полога Стефания избавилась от нижних юбок, отстегнула каркас из прутьев, придававший нужную форму одежде. Без помощи горничной пришлось тяжело, но она справилась. Всякий раз, когда пальцы соскальзывали, девушка вспоминала о Ноэле. Лучше самой, чем ощущать дыхание мужа на шее, позволить шарить по обнаженной коже.

Драгоценности Стефания сняла в самом начале и теперь маялась, плотно сжав бедра, обхватив себя руками, в нижнем белье.

– Мне все снимать? – робко полюбопытствовала девушка из-за полога.

Муж вальяжной походкой направился к ней, оглядел и заверил:

– В самый раз, остальным займусь сам.

Взгляд Ноэля замаслился. Он ослабил и по-хозяйски засунул руку за корсет Стефании. Пальцы сжали груди, перекатили между подушечек соски. Руки приподняли драгоценную добычу и высвободили.

– Какие славные! – хрипло пробормотал виконт и, наклонившись, втянул сосок. Язык ударился о него, подразнил. Зубы чуть прикусили. – Ароматные спелые девственные плоды. Мне уже нравится, миледи.

Руки Ноэля мяти грудь, словно тесто. Стефания стояла ни жива ни мертва.

– Сигмурт, как думаешь, чулки снять? – обратился к брату виконт и наградил сосок очередным болезненным поцелуем.

– Ноэль, у девочки в первый раз, она перепугана до смерти – конечно, нужно снять, – укоризненно заметил деверь и подошел.

Заложив руки за спину, он любовался грудью Стефании. Совсем не такая, как у Хлои, хотя девушка старше. Две острые вершинки, просящиеся в рот. Аккуратные, но не маленькие, не округлые, однако чрезвычайно притягательные. Легкий пушок вокруг затвердевших о холода сосков, сами они цвета корицы – сладкие, теплые.

Сигмурту захотелось сменить Ноэля у тела девушки. Им овладело легкое раздражение. Разве можно столь грубо ласкать грудь? Стефания не возбудится, если брат станет и впредь терзать ее. Женская грудь чрезвычайно чувствительно, но без толку ее тискать, тут нужен иной подход.

– Позволишь ее вымыть? – сглотнув, спросил Сигмурт.

Младший Сибелг ощутил знакомую тесноту в штанах. О, если грудь малышки вызвала столь сильное желание, что произойдет, когда он увидит завитки ее волос, нежную кожу, скрывающую лоно.

Сигмурт отогнал сладкое видение. Что толку, если не ему первому войти в девочку?

Виконт разрешил и провел языком по плечу Стефании.

Не выдержав, Сигмурт шагнул к невесте и заключил в объятия. Теперь ее ласкали сразу двое: один спереди, другой сзади. Корсет все сползал и сползал, пока не оказался на полу. Ловкие руки Сигмурта тут же сдернули панталоны, отрезая пути к отступлению. Стефания дернулась, хотела подхватить их, но деверь отвлек ее, пройдясь языком от лопаток до ложбинки между ягодицами. Это оказалось приятно, как и нежный поцелуй в мягкое место.

Ягодицы Стефании оказались упругими. Сигмурт с удовольствием ласкал их, борясь с искушением раздвинуть и подразнить соблазнительное отверстие. Такая попка создана для любви, Хлоя, при всех ее умениях, проигрывала девственной сестре.

Младший Сибелг прикрыл глаза, представив, как член медленно погружается между мягких половинок, замирает, чтобы дать привыкнуть к новым ощущениям, и начинает медленно двигаться, чтобы в конце оросить живительной влагой. О нет, он предпочтет ее попку лону, хотя пока не видел ни того, ни другого.

Ноэль не отставал от брата. Пока Сигмурт наслаждался ягодицами невестки, пробуя их то на упругость, то на вкус, он упивался мягкостью и теплом других полукружий. Виконт привык,

что женщины быстро отвечали на его ласки, но шли минуты, а он не видел изменений, разве только жена успокоилась. Не отличавшийся терпением Ноэль решил не тратить время попросту и, пока младший брат, уложив Стефанию на постель, снимал с нее чулки, донага разделся и смешал воду в тазу.

– Ноэль, я ее хочу! – наградив невестку поцелуем в живот, хрипло пробормотал Сигмурт. – Давай на двоих?

– Нет, потом. Может, второй раз.

Виконту самому не терпелось оказаться с супругой. Он сменил брата у тела девушки, лаская жадно, на грани боли.

Вопреки первоначальному договору Сигмурт тоже разоблачился. Стефания увидела вздыбленное мужское достоинство прежде, чем деверь стянул рубашку. Оно затвердело, приподняло ткань, которая облепила его, как вторая кожа. Гладкий, тонкий и длинный, а у мужа чуть меньше, но толще. Оба непомерно велики, Бог не услышал молитвы. Стефания представила, как братья входят в нее. Увы, даже богатое воображение не помогло.

Ласки Ноэля не вызывали ничего, кроме брезгливости. А как он слюнявил соски! Что только Хлоя находила в столь сомнительном занятии?

– Ого! – обернувшись, присвистнул виконт, указав на плоть брата. – Не рановато ли, Сигмурт? Тебе еще часик терпеть.

Младший Сибелг отмахнулся и напомнил о стынувшей воде.

Братья подхватили Стефанию на руки и поставили в большой таз. Тут она снова начала сопротивляться, но муж держал крепко, а деверь наскоро вымыл. Последнее далось нелегко. Прикосновение к нежной коже между бедер лишь укрепляло желание. Хотелось проникнуть пальцем внутрь, аккуратно подготовить девственное лоно и пронзить его, слив воедино стон наслаждения и вздох боли. Хотя Сигмурт бы постарался, чтобы последняя быстро прошла, а прекрасная Стефания отдалась ему.

Не сговариваясь, братья тесно зажали Стефанию между собой. Она обмерла от страха, почувствовав напор возбужденных членов. Ее целовали, покусывали шею, грудь, теребили соски, лаская мягкие складки. Виконт то и дело слюнявил палец и пытался засунуть его в супругу, но она не давала. Ноэль злился и в итоге добился своего.

– Запомни, ты второй, – прохрипел виконт, и Сигмурт, скрипя зубами, отступил.

Казалось, его плоть взорвется. Стефания соблазнительно лежала на кровати, и он видел абсолютно все, благо брат не заслонял пикантную картину.

Палец Ноэля нетерпеливо ввинчивался в лоно супруги, руки железной хваткой стиснули запястья, не позволяя дернуться.

Муж часто-часто дышал, лишь усиливая чувство омерзения. Вот он лег на нее, придавив своим весом, грубо раздвинул ноги и...

Стефания выгнулась, когда член Ноэля ворвался в лоно. Он замер на мгновение и задвигался, вбиваясь все глубже. Стиснув зубы, виконтесса терпела. Она закрыла глаза, чтобы не видеть, но боль раз за разом напоминала о капельках крови на бедрах. Они не волновали виконта, он жаждал удовлетворения. Стефании мнилось, в нее заснули толстую ветку и ворочат, стремясь разорвать. Но вот внутри разлилось нечто теплое, член мужа обмяк, и он, к облегчению супруги, извлек его из лона.

Там, внутри, саднило. Кровь больше не шла, но Стефания ощущала себя разбитой, а еще грязной.

– Ну, теперь моя очередь?

Возле кровати возник Сигмурт. Показалось, или его член вырос, поднялся еще больше.

– Я осторожно, милая, – шепнул деверь и, прежде чем Стефания успела вскрикнуть, раздвинул нежные складки.

Вопреки ожиданиям, Сигмурт не торопился. Боль притупилась, мужское достоинство больше не вызывало жжения, хотя дискомфорт остался. Мысленно сравнив братьев, Стефания предпочла младшего. Он постепенно насаживал на член, часто останавливался, ощущая чужое неудобство.

Виконтесса тяжело вздохнула и вновь прикрыла глаза.

Вот он весь в ней.

Движения бедер убыстрились, ее имели как Хлою. Пускай, уже неважно. Деверь в ней, а муж стоит у постели, ласкает себя. Омерзительно!

Сигмурт излился быстро: слишком сильно хотел, однако вышел из невестки не сразу. Некоторое время его обмякший член оставался в ее лоне, пока младший Сибелг целовал груди Стефании – так, как считал нужным. Его согнал Ноэль. Виконт снова возбудился и жаждал разрядки.

Так, под двумя братьями, сменявшими друг друга в постели, прошла первая брачная ночь новой хозяйки замка Овмен.

Глава 4

Стефания не сразу сообразила, где она. Спросонья потянулась к шнурку звонка, чтобы вызвать служанку, но не обнаружила его на привычном месте. Она растерянно поводила рукой по пустоте – и тут все вспомнила.

Между бедер немного саднило, хотя могло быть и хуже. Стефании казалось, после такого тело распадется на части, однако нет, она способна двигаться, не умерла от потери крови.

Виконтесса поморщилась от отвращения, заметив на простынях нечто белесое. Схожая мерзость засохла на коже, стянув, будто лечебная глина. Память услужливо подсказала, откуда она взялась, и сколько еще подобного вещества излилось в Стефанию. Братья словно соревновались друг с другом, практически не позволяя отдохнуть. Может, они до сих пор здесь? Виконтесса испуганно вскочила, вцепившись в одеяло, как в последнюю надежду, и с облегчением вздохнула: в спальне больше никого не было.

Портьеры задвинуты, но день всю занялся – это видно по узкой полоске света, падающей на пол. Однако солнце не радовало юную жену. Стефании не хотелось вставать, разговаривать, видеть кого-то, особенно родных и Сибелгов. Мать наверняка спросит, как прошла брачная ночь, и что ей ответить?

Стефания положила руку на низ живота и осторожно мазнула пальцем там, где вчера побывали братья. Она с трепетом взглянула на мизинец, но страхи не оправдались. Раз раны нет, она не умрет.

Виконтесса перевернулась на бок, сжалась в комок, и заплакала. Она не понимала, за что с ней так поступили. Хлоя говорила, близость приятна, что ей понравится, ну хоть чуть-чуть, а вышло совсем не так. Мысль о повторении кошмара отозвалась рвотным позывом.

Зачем ее так опозорили? Ее, жену! Словно продажную женщину, любовницу... Отец дал хорошее приданое, Ноэль Сибелг остался доволен, Стефания была покорна, улыбалась, она делала все, чтобы понравиться. Разве не идеальная жена? Виконтесса бы стерпела, если бы муж овладевал ей в одиночестве, пусть бы заставил раздеться, но не с братом же! В голове не укладывалось, что дворянин, благородный человек сотворил такое.

Если бы могла, Стефания провела бы в кровати весь день, уткнувшись лицом в подушку, но в дверь постучали. Подняв опухшее от слез лицо, виконтесса затихла и с головой нырнула под одеяло: она боялась, что пришел муж. Оказалось, горничная. Она принесла госпоже умыться.

– Уходи, я не встану, – отмахнулась Стефания. – Потом... – Она задумалась. – Потом сделай мне ванну.

Может, вода смое с нее всю грязь? И легкое жжение между ног пройдет.

– Милорд ждет вас к обеду. Он просил непременно прийти.

– А обед скоро?

Сквозь копну спутанных волос Стефания наблюдала за тем, как служанка готовит умывание, распахивает портьеры. Яркий свет резанул по глазам, заставив зажмуриться.

– Скоро. Уже за полдень, миледи, вы долго почивали. Оно и неудивительно, – понимающе улыбнулась горничная.

Стефании хотелось крикнуть, что ее не с чем поздравлять, но промолчала: перед слугами нужно держать лицо.

Вспомнив о том, кто она: виконтесса Сибелг, Стефания жестко приказала:

– Задерни портьеры. Не желаю, чтобы меня кто-то видел.

Хватит киснуть, нужно смириться и жить дальше. Если муж не уважает ее, то хотя бы слуги должны ходить по струнке.

– Кто, миледи? – рассмеялась горничная. – Рядом бойниц нет, разве какой глазастый мореход углядит.

План провалился. Пришлось смириться, что даже служанка ей командует.

Обернувшись одеялом, Стефания встала, кинула взгляд на простыни и тут же отвернулась: кровь.

Пока горничная аккуратно складывала грязную простыню, чтобы торжественно вывесить на надвратной башне, Стефания подошла к окну и глянула вниз. В голову закралась шальная мысль: не броситься ли вниз? На небесах нет боли и унижений, лучше суд Божий, чем жизнь с Ноэлем Сибелгом. Страшно, страшно умирать! Но там ведь покой, там с ней не станут обращаться, как со шлюхой.

У Стефании дрожали колени, когда она мокрыми от пота пальцами потянулась к оконной задвижке.

Холодный поток воздуха, заставил служанку поднять голову и в ужасе вскрикнуть:

– Миледи, побойтесь Бога! Что же вы такое творите?!

Стефания не слушала. Она стояла в проеме окна, смотрела вниз, подставив лицо студеному ветру, и никак не могла сделать шаг.

– Миледи, ради всего святого, не пугайте меня! – взмолилась служанка. Бедняжка побелела как полотно. – Сойдите с окошка, я его закрою. Еще оступитесь ненароком или простудитесь. Что милорд скажет?

Она болтала всякую чепуху, Стефания не слушала. Она сползла по стене на подоконник, закрыла лицо руками и разрыдалась. Горничная смотрела на нее и не могла понять причину странных слез.

По-прежнему всхлипывая, Стефания встала, побрела обратно к кровати. Нет, никуда она сегодня отсюда не выйдет. Супруг может избить ее, но не заставит изображать счастье перед гостями.

Служанка поспешила закрыть окно, причитая, что в такой холодный денек негоже пускать стужу в дом.

Одеяло сползло. Жгучий стыд краской залил лицо Стефании. Нет, вовсе не потому, что горничная видела ее обнаженной – из-за следов позора на теле. Только сейчас Стефания заметила красные пятна и синяки на коже от грубых поцелуев. Схватка за честь оказалась неравной, виконтесса проиграла.

– Отчего рыдаете, миледи? Веки опухли, глаза красные, – укоризненно покачала головой горничная. – Давайте я вас умою, а потом одену?

– Пошла прочь! – рявкнула Стефания и обвела комнату потерянным взглядом.

– Воля ваша, но милорд...

Милорд!

Стефания грустно усмехнулась.

Как там говорилось в брачной клятве – жена да пребудет в воле мужа.

Встревоженная горничная предложила позвать врача – она боялась, у госпожи что-то болит. Стефания испуганно замотала головой. Чем меньше людей знают о ее позоре, тем лучше.

Выровняв дыхание, виконтесса улыбнулась. Не хватало еще, чтобы по замку поползли сплетни! Муж-извращенец – это одно, а когда прислуга судачит о господской спальне – совсем другое.

Стефания утерла слезы и напомнила себе о долге. Может, все образуется, виконт банально перепил? Стефания поговорит с ним, попросит уважать жену. Только как, какими словами? Она не решится обсуждать такое, да и супругу нельзя перечить. Оставалось только письменно вежливо попросить поступать, как положено. Да, именно так Стефания и напишет:

«Ваша милость, выражаю робкую надежду, что впредь вы будете исполнять свой долг, как честь велит столь знатному дворянину».

Горничная оказалась сообразительной и позволила госпоже вымыться самой. Стефания не возражала: руки служанки напомнили бы о руках братьев Сибелгов, которые отныне вызывали дрожь и отвращение.

Одевшись и причесавшись с помощью горничной, виконтесса попросила принести письменный прибор и немного льда для опухших век. Время до обеда еще оставалось, она успеет.

Написав мужу, Стефания велела передать записку ближе к вечеру, сама же занялась лицом. Что могла, замаскировала и припудрила, и со сжимающимся сердцем спустилась в зал, надеясь, что ее оставят в покое, ограничатся лишь парой вопросов. Если придется молчать и сидеть, ковыряясь в тарелке, она выдержит.

На правах хозяйки Стефании надлежало командовать слугами. Прежде ей не приходилось этого делать, виконтесса лишь наблюдала за тем, как пристально следит мать за порядком. Она боялась не справиться. Замок такой огромный, разве за всем уследишь? Пора его осмотреть, выучить местные порядки.

– Виконтесса Сибелг!

Увлеченная собственными мыслями, Стефания вздрогнула, когда слуга с поклоном отворил перед ней дверь.

Ладно, она справится.

Не негнущихся ногах Стефания переступила порог. Все взгляды тут же обратились на нее. Гости уже заняли свои места, ждали только хозяйку. Со все нарастающим волнением, но улыбаясь, она медленно прошествовала во главу стола, временами останавливаясь, кивая и благодаря за поздравления. Мнилось, будто все знают о ночном позоре, шепчутся за ее спиной, смакуют подробности. Щеки поневоле залились румянцем. Смущение юной виконтессы не осталось незамеченным и вызывало понимающие усмешки. Если мужчины приписывали столь долгий сон Стефании виконту, женщины обратили внимание на припухшие глаза и синяки на шее.

– Я тоже плакала, милая, все мы плакали, – ободряюще похлопала Стефанию по плечу пожилая баронесса. – Мы, девушки, такие чувствительные, плачем по всякой ерунде! Право, пустое, уж поверьте моему опыту. У вас прекрасный супруг, с ним вы быстро забудете слезы. А уж когда пойдут дети...

Стефания кивнула, поблагодарила за совет. Оглянулась, поймав взгляд матери. В нем читалось легкое волнение, но осуждения виконтесса не заметила. Значит, она не нарушила правил. Отец и вовсе не обратил внимания, поглощен пространной беседой.

И тут Стефания увидела мужа. Она непроизвольно дернулась, потупилась и, чтобы отсрочить встречу с ним, начала обходить гостей, узнавать, все ли им нравится в Овмене.

– Виконтесса, мы ждем вас.

Глаза Стефании в панике заметались в поисках спасения, но Бог не услышал. Ноэль шел к жене, фальшиво улыбаясь. Как, в прочем, и она – в этом они схожи.

Когда рука мужа коснулась локтя, у Стефании на миг перехватило дыхание. Волна панического страха тошнотой поднялась к горлу, сердце затрепыхалось в груди, но виконтесса позволила взять под руку и повести к столу. Хотя, видит Бог, ей хотелось сбежать от этого человека!

– Как почивали, Стефания? Надеюсь, хорошо?

Как, как он мог так спокойно растягивать губы в пустых, официальных вопросах?!

– Благодарю, – пролепетала Стефания.

Во рту пересохло и, знаком подозвав слугу, она попросила налить полный кубок вина. Прежде виконтесса не отличалась любовью к выпивке, но сейчас, казалось, она бы опорожнила целую бутылку.

– Я сам!

Ноэль предупредительно забрал кувшин и, наклонившись к жене, с усмешкой заметил:

– Рад, что тебе нравится местное вино, немногие оценили его по достоинству.

Стефания еще ниже опустила голову и отвернулась, не в силах смотреть на мужа. Хотелось многое ему сказать, но вбитое родителями и Церковью воспитание заставило промолчать. Молитвенно сжав руки, виконтесса изучала узоры на скатерти.

Вслед за негодованием пришел страх. Стефания давно так никого не боялась, только отца, но иначе, не до дурноты. Лэрд Эверин, хоть и суров, обычно ограничивался строгим внушением и запирали в комнате без еды. Он лишь трижды порол дочерей и то Хлою, по ее же вине: она не умела держать чувства в узде. А тут Стефанию тошнило от мужа, сводило желудок от одной мысли о новой близости с ним.

Виконтесса понимала, нужно поесть, но кусок не лез в горло. От выпитого вина она немного захмелела, поэтому старалась не двигаться и молчать.

Ноэль занимался гостями, его мало волновала супруга, лишь бы не выходила за рамки приличий, зато Сигмурт пристально наблюдал за невесткой. Стефания спиной чувствовала его взгляд и еще больше пунцовела. Она не понимала, зачем деверю понадобилось участвовать в жуткой оргии. Молодая женщина раз за разом вспоминала его лицо с лихорадочно блуждающим взглядом, липкое тело, тяжелое дыхание, поцелуи. Справедливости ради, он делал все аккуратнее брата, хотя бы не кусал, но в остальном... Господи, скольким приятелям Сигмурт Сибелг уже рассказал о том, как развлекался с женой брата?

– Бойтесь пополнеть, миледи?

Стефания вздрогнула и едва не выронила вилку, которой лениво ковырялась в тарелке, однако заставила себя взглянуть на деверя.

Васильковые глаза Сигмурта улыбались. Он казался воплощением лукавого беса, о котором вещали с амвона.

– Вам нездоровится? – не отставал северянин.

– Да, пожалуй.

– Обычные женские недуги, – лениво отмахнулся Сигмурт. – Не откажите в любезности, попробуйте кабана. Он изумителен! Вам нужно хорошо питаться.

Стефания невнятно поблагодарила за заботу и попросила отрезать себе немного мяса. Вздохнув, виконтесса начала медленно жевать: пока она занята едой, деверь снова не заговорит с ней. Да и отец странно смотрит, недоволен. Счастливая супруга ведет себя иначе.

Воспитание и выдержка помогли перебороть внутреннюю боль. Отрезая по маленькому кусочку, Стефания отправляла кабана в рот, улыбнулась нахмурившемуся родителю и приняла участие в короткой светской беседе двух дам. Роль давалась тяжело, но честь рода Эверин дороже собственной слабости.

После десерта Стефания с ужасом осознала: коварное вино сыграло с ней злую шутку. А ведь ей предстояло пройти мимо всех через огромный зал в одну из внутренних комнат, оказаться в центре внимания дам, играть в карты или фанты, сплетничать, вышивать. Господь требовал от Стефании невозможного.

Гости медленно растекались по замку, а задумчивая, растерянная виконтесса не двигалась с места. Положение казалось безвыходным, позор неминуем. Если она встанет, то упадет.

Как ни странно, Стефанию спас муж. Оказалось, Ноэль тоже следил за женой во время обеда, видел, что она много выпила, но мало съела. Последствия проступили на щеках в виде легкого румянца, который гости принимали за стыдливость.

Ноэль обошел стул Стефании и протянул руку.

– Обопритесь, миледи. Вижу, вы не рассчитали собственных сил.

На этот раз Стефания с благодарностью приняла его ладонь.

Виконт оказался надежной опорой, с ним каждый шаг не превращался в пытку. Стефания даже поверила, что сможет вырваться из ловушки.

К супругам подошла чета Эверинов и еще раз поздравила со свершившимся союзом. Лэрд уже видел простыню. Он не одобрял архаичных обычаев, но гордился тем, что дочь вступила в брак непорочной душой и телом. Виконт вспомнил, что не обсудил с тестем пару вопросов насчет приданого, и мужчины удалились, оставив жен в пустом зале.

Гости разошлись, только слуги сновали вдоль столов, собирая объедки, унося грязную посуду и задувая свечи в канделябрах.

Леди Эверин отвела дочь к окну и с укором, поджав губы, заметила:

– Надлежит знать меру. Я не узнаю тебя, Стефания!

Ну вот, она тоже заметила.

– Мне не хотелось есть, – оправдывалась виконтесса. – Все волнение.

– Безусловно, – мать приняла объяснение, хотя лицо по-прежнему выражало скепсис. – Как у вас прошло? Судя по всему, виконту понравилось.

Выражение глаз леди Эверин чуть смягчилось. При всех недостатках, Стефания смогла угодить супругу, она ее хорошо воспитала.

– Да, матушка, он остался доволен, – эхом повторила виконтесса.

– И остался с тобой до утра, я узнавала, – с гордостью добавила мать. – Проспал завтрак – хороший признак. Дай вам Бог скорее наследника! – она молитвенно сложила руки. – Смотри, Стефания, ты должна постараться.

– Я постараюсь, матушка.

Вспомнив о том, что теперь она выше матери по положению, Стефания, не спрашивая разрешения, удалилась. Она едва переставляла ноги, но тело подвело. Держась за стену, виконтесса кое-как добрела до окна в проходной комнате и плюхнулась на подоконник. Здесь темно, никто не заметит, не обратит внимания на пьяную госпожу с разбитым сердцем, разве только кому-то из слуг понадобится горка для посуды. Пусть судачат, Стефании нет до этого дела. Она прислонилась головой к оконному проему, закрыла глаза – даже сейчас кружилась голова. Вспомнила, что должна была переговорить с экономкой или управляющим, раздать указания по хозяйству, но в таком состоянии Стефания не способна на такие подвиги.

Виконтесса благодарила вино за то, что оно притупило воспоминания, горечь и стыд, позволило сидеть рядом с Сибелгами, не думать о прошлой ночи.

Боже, ночь! Впереди ведь еще одна. Оставалось надеяться, муж получил ее записку. Несомненно, он больше не приведет брата.

Стефания не знала, сколько просидела на подоконнике. Кажется, она задремала, потому что ничего не помнила и не слышала. Очнувшись, когда комната полностью погрузилась во мрак, а ночь вступила в свои права.

За окном серебрился снег. Стефания, как зачарованная, смотрела на него. Приложила холодные пальцы к вискам, слегка надавила.

Виконтесса мельком слышала о пользе свежего воздуха при похмелье, даже если нет, куда она без накидки? И где сядет, не на крыльце же?

– Вот вы где! Я весь замок на уши поставил, а вы забились в норку и сидите.

Стефания судорожно сглотнула и обернулась, заморгала от света, казавшегося нестерпимо ярким.

Муж поставил канделябр на горку с посудой и стянул супругу с подоконника. Она покачнулась и чуть не упала.

– Забавное письмо ты написала! – Виконт обнял за талию и потянулся к губам. Стефания отчаянно отворачивалась, упиралась в грудь руками, препятствуя поцелую. – Не устраивает, значит, исполнение супружеского долга? А, по мне, он выдался отменным.

Ноэлю наконец удалось поймать губы Стефании, но разжимать их жена не спешила. Стефания надеялась, мужу наскучит, но виконт оказался упорным охотником. Его бедра плотнее прижались к супруге, потерлись о платье. Первый день в новом статусе жене дозволялось спускаться в домашнем платье без гауна, всего с одной нижней юбкой, поэтому Стефания остро ощущала и тепло тела супруга, и его ласки.

– Пожалуйста, я хочу побыть одна, – пролепетала молодая женщина. – Мне нехорошо. Простите, я не смогу изображать радушную хозяйку.

– Надеюсь, в дальнейшем вы справитесь лучше, – поджал губы Ноэль и отпустил ее. – Скажу, что вы устали и спите.

Стефания с облегчением вздохнула. Однако виконт не спешил уходить. Он крикнул слугу и, велел посветить, подхватил молодую супругу на руки и понес наверх. Разомлевшая от вина Стефания не сопротивлялась. В конце концов, не спать же на подоконнике, а лестница – слишком тяжелое испытание. Лучше Ноэль, чем позор. Раз ее ищут, тихо наверх не прошмыгнешь.

Безусловно, Стефании предпочла бы оказаться подальше от мужа, но ей придется привыкать к его рукам, голосу, запаху. Отныне они супруги, она должна пересилить неприязнь, дать виконту шанс исправиться.

Вопреки ожиданиям, Ноэль отнес Стефанию вовсе не в ее спальню. На удивленный вопрос, куда они направляются, виконт равнодушно пояснил: к нему.

– Зачем?

Она забеспокоилась, попыталась соскользнуть из его рук. Проклятое вино, если бы Стефания выпила чуть меньше!.. Но, увы, тело стало неповоротливым, чужим. Виконтесса лишь беспомощно дрыгала ногами.

– Вашу комнату убирают, – с легким раздражением ответил Ноэль и, смягчив тон, заверил: – Ничего, потом окажитесь в своей постельке, а пока познакомьтесь с моей. Я предпочитаю традиционное общее супружеское ложе.

Сердце Стефании пропустило удар, но она не устроила скандала при слуге. Он и так навострил уши, станет потом сплетничать на кухне.

Провожатый почтительно распахнул перед господином дверь. Он поставил подсвечник на каминную полку, поинтересовался, стоит ли зажечь свечи.

– Нет, ступай, – отослал его Ноэль. – Я сам. Позаботься, чтобы нас никто не беспокоил, пусть Сигмурт потрудится. И сами не сидите без дела! – прикрикнул виконт. – Лично проверю, готово ли все к завтрашнему.

Слуга кивнул и удалился, оставив хозяев одних.

Супруг бережно опустил ношу на огромную кровать под алым пологом, затканном цветами. На ней легко бы поместилась целая семья без риска соприкоснуться локтями. Белье подобрано в тон – тоже алое. Стефания знала, это цвет счастья и плодородия, но на ум приходила кровь. Рассмотреть остальное убранство комнаты она не могла: свеча отвоевала у мрака лишь узкую полоску ковра и изножье той самой кровати.

– Ну, как тебе ложе? По-моему, достойно короля.

Муж подложил ей под голову подушку, но покрывало откидывать не стал.

– Красиво, – сдавленно ответила молодая женщина.

Она терпеливо наблюдала за тем, как Ноэль стаскивает с нее башмачки.

– Тяжело? – заботливо поинтересовался виконт.

– Спасибо, уже лучше.

Опешившая от внимания мужа Стефания залилась краской. Каково ему возиться с пьяной женой! Немудрено, что он весь вечер хмурился. А как Стефания смотрелась со стороны, что скажут люди?

– Не тошнит?

На пол полетели чулки. Задрал юбки супруги, Ноэль возился с застежками нижней юбки. Фасон платья не предполагал каркаса, иначе бы пришлось возиться с хитроумными креплениями.

– Нет.

– Вот и прекрасно!

Виконт, насвистывая, кинул нижнюю юбку поверх чулок и выпрямился.

Камзол полетел в темноту, вслед за ним рубашка.

Стефания в ужасе наблюдала за мужем, потом встrepенулась и на четвереньках попыталась сползти с кровати. Не успела: руки мужа намертво прижали к простыням.

– Куда это вы собрались, миледи? – склонившись к самому уху, прошипел он. – Как видите, мы одни, темно – чего вам еще угодно? Не ломайте комедию и выполняйте супружеский долг. Сейчас управимся быстро, ночью поласкаю дольше.

– Но...но я не хочу, не желаю! – завопила Стефания.

Сейчас и ночью? Будто ему мало!

Полуобнаженный Ноэль ухватил жену за подбородок, заставив посмотреть в глаза.

– Ты дурно воспитана. Учти, мое терпение не безгранично. Я требую лишь исполнения супружеского долга. Выбирай: отдашься добровольно, или я возьму тебя силой. И, заметь, буду в своем праве.

Виконт отпустил жену и потянулся к шнуровке платья. Стефания отшатнулась и, не удержав равновесия, упала на покрывало. Муж лег рядом и, усмехаясь, быстро расшнуровал лиф. От ее теплых ладоней на корсете сердце Стефании забилося пойманной птичкой.

– Какие аппетитные фрукты растут в саду Эверинов!

Пальцы Ноэля стиснули приподнятые шнуровкой полукружия. Раз, и он вытащил их и припал к соскам. Язык оплетал их, словно завязывал узлы на веревке, пальцы грубо потягивали и пощипывали.

– Ммм, не стоит прятать такой урожай, женушка!

Рот виконта накрыл одну из грудей, рука сжала вторую, начала месить, словно тесто.

– Ты ведь хочешь нравиться мужу?

Раз – и корсет с легким треском разошелся. Стефания опасалась, муж испортил его. Обидно! Хороший корсет дорого стоит, где виконтесса возьмет еще один? Безусловно, можно заказать новый, да и в сундуках найдется еще один, но каждый корсет подбирается под определенный наряд.

– Хочу, – обреченно признала поражение виконтесса.

Муж быстро стянул с нее платье и панталоны, оставив лишь чулки и пояс с подвязками. Стефания плотно сжала бедра. По коже бегали мурашки. Может, в спальне и темно, но она все равно голая, и ей безумно страшно.

Виконт уложил супругу на середину постели и избавился от штанов и чулок с подвязками.

Стефания сдавленно пискнула, когда губы коснулись шеи, а пальцы скользнули между ног, безжалостно раздвигая бедра.

– Да ладно тебе, второй раз не больно! – усмехнулся муж и прошелся носом по тяжело вздымавшейся груди до живота. Палец коснулся того, о чем порядочным девицам не полагалось знать, и погладил. – Ммм, какая у тебя атласная кожа! Так и тянет прямо сейчас распробовать, но ты ж у меня недотрога.

Придавив весом своего тела, Ноэль уткнулся лицом в волосы жены. Стефания не знала, куда деться от его языка, вертелась, ерзала – бесполезно. Виконт увлеченно продолжал, покусывая, и, наконец, занялся губами. Целовал он требовательно и взасос; язык вольготно обретался во рту Стефании. Ее выворачивало от отвращения. Мнилось, еще минута, и выпитое за

обедом вино попросится наружу, но Ноэлю наскучило старое занятие, и он перешел к новому. Теперь его интересовала грудь супруги, особенно соски.

«Господи, это мой муж, я должна его желать», – мысленно повторяла Стефания, стараясь унять волнами поднимавшийся из живота страх. Она даже робко коснулась затылка виконта, чуть подалась навстречу нему. Ноэль воспринял ее движение за поощрение, пару раз лизнул и поцеловал в живот.

– Сейчас, моя милая женушка, сейчас я хорошенько тебя трахну! – бормотал виконт, уткнувшись в нежную кожу.

Молодая женщина сжала руки в кулаки.

Скорей бы уж он!

Встав на колени, Ноэль раздвинул ноги Стефании и согнул их в коленях.

Пальцы вновь прошлись по промежности, надавили и скользнули внутрь. Виконтесса охнула, когда они задвигались в ней, сразу два.

Губы Ноэля прильнули к груди. Он ускорял и ускорял ритм, ввинчивая пальцы в нежное лоно.

Стефания фальшиво улыбалась и старалась выровнять дыхание. Она вспоминала Хлою, ее рассказы, подсмотренные сцены близости сестры со священником, а затем с лордом Дугласом Амати. Чтобы абстрагироваться от животной ласки, подумала о родных, о скорой помолвке младшей сестры. Хорошо бы они увиделись! Стефании нужно о многом переговорить с Хлоей, например, о супружеском долге и, главное, о Сигмурте. Хотя, зная, сестру, она бы не посочувствовала, а позавидовала.

Виконту прискучило ласкать супругу, он снова лег на нее и сразу глубоко вошел, наверстывая упущенные минуты.

Стефания старалась не думать о потном теле, глядя в потолок, считала толчки, терпела нараставшее жжение между бедер, а Ноэль продолжал и продолжал, пока с шумным выдохом не кончил.

– Вот так, милая!

Перевернувшись на бок, он похлопал притихшую жену.

Стефания боялась вздохнуть и не двигалась.

– Ну чего притихла, недотрога! – Виконт ткнулся губами в ее шею и приподнялся на локте. – Привыкай к супружескому долгу. Или не нравится?

Он ждал ответа, и молодая женщина соврала:

– Нравится, милорд.

– То-то же!

Виконтесса тихо охнула, когда он звонко ударил ее по бедру.

– Не вижу радости. Как на похоронах! Запомни, в твоих же интересах, чтобы из спальни не вылезал. А она письма пишет, – скривил губы Ноэль и, наклонившись, прошипел: – Узнаю про еще одно, накажу. Или заставлю мать публично объяснять, как ноги раздвигать, если за столько лет не научила. Ты перестарок, должна уметь.

– Но я была невинна! – пискнула Стефания и незаметно отодвинулась от мужа.

От него пахло потом, выпивкой и немного жареным луком. Больше всего виконтесса боялась, что Ноэль сейчас снова навалится и засунет в нее нетерпеливый орган. Знакомство с ним не заладилось, сколько молодая женщина ни пыталась, и сегодня, и вчера, бедра плотно сжимались, стоило члену вторгнуться в чужое пространство. Следом приходили неприятные ощущения. Положим, сейчас она не испытала тупой боли, но спазм все равно пару раз сковал низ живота.

Возможно, если бы Ноэль уделил чуть больше внимания... Но он не хотел.

– Не оправдывайся! – отмахнулся виконт. – Не поверю, будто в доме не нашлось молоденьких слуг или у отца хорошего знакомого, кто бы не приохотил к мужскому телу. В твоём

возрасте девушки умеют доставлять удовольствие, храня невинность, и не краснеют, когда раздеваются.

– Но как, милорд? – Щеки Стефании зарделись. – Разве можно ублажать мужчину иным способом? И разве богатство девушки не в ее чести? Вы предлагаете уподобиться блуднице.

– Я предлагаю правильно готовить дочерей к замужеству, – зло уточнил Ноэль и рывком сел. – Что стоило леди Эверин хотя бы показать обнаженного мужчину и научить обращаться с его достоинством? Или полагаешь, жене довольно лежать бревном и раздвигать ноги?

– Я... я постараюсь, милорд, – сглотнув, пообещала виконтесса.

Нужно вспомнить, что делала Хлоя в храме. Зря Стефания тогда отвела глаза, нужно было подойти ближе, разглядеть, раз сестра умела нечто важное. Молодая женщина и не подозревала, что ей придется владеть некой таинственной лаской. Мать говорила иное, может, это традиция северян? Наверное. В любом случае, Стефания попытается стать хорошей женой.

– Надеюсь, – хмуро обронил супруг.

Виконт пошарил рукой по кровати в поисках штанов, оделся и оставил Стефанию одну. Как и обещал, владелец замка объявил гостям, что супруге нездоровится, и она рано ушла спать.

Близость со Стефанией уложилась в полчаса, Ноэль успел насладиться ужином, светской беседой и игрой в кости. На взгляд Сигмурта виконт ответил скупым кивком. Впрочем, Ноэль не собирался скрывать, что активно занимается продолжением рода. Демонстративно рано, около полуночи, он встал из-за стола, сославшись на важное дело. Гости понимающе ухмыльнулись, подумав, что причина и впрямь хороша.

Глава 5

Свадьбу таких людей, как виконт Сибелг, полагалось праздновать долго. Порой застолья длились месяцами. Гости не просыхали, ели, пили, веселились. Радушный хозяин баловал их развлечениями: то приглашал музыкантов, то бродячих актеров. Запланировали и охоту. Дамы загодя пошили амазонки, стремясь перещеголять друг друга. Мужчины тоже горели желанием похвастаться удалью, утереть нос соседу.

Стефания постепенно обживалась в роли молодой жены. Она познакомилась с экономкой и управляющим, заглянула почти во все комнаты, даже получила связку ключей, которую с гордостью носила на поясе. Виконтесса с удовольствием бы погрузилась в быт, пусть он и оказался сложнее, нежели она полагала, сбежала бы от пошлых шуточек подвыпивших гостей и наставлений матрон. Откуда в людях столько любопытства! И мать, она строго пыталась, требовала рассказывать о супружеской спальне. Стефания вздыхала: «Да, матушка» и монотонно поведала, когда виконт разделил с ней ложе, сразу ли ушел, остался ли доволен. Молодая женщина понимала, ее чувства никого не волнуют, только заслужит порицание. А так ее хвалили и прочили скорое рождение наследника.

О, Стефания бы предпочла, чтобы муж забыл дорогу в спальню. С каждой ночью он становился настойчивее и грубее, требовал целовать себя, раздеваться при свете. Однажды усадил на колени и проделал все сидя. Ноэль пыхтел, впивался пальцами в ее ягодицы и в конце, ругнувшись, зачем-то прикусил сосок. Стефания промолчала, хотя сочла подобное поведение дикостью. Он бы ее еще над столом, как служанку, нагнул! С другой стороны, чего ожидать от человека, разделившего жену в первую брачную ночь с братом?

К счастью, Сигмурт в спальне больше не объявлялся, хотя временами задумчиво посматривал. Виконтесса сторонилась его, прятала глаза. Она не знала, как общаться с деверем после того, как видела его обнаженным.

Все случилось на вторую неделю замужества.

Стефания мирно спала, когда Ноэль выдернул ее из-под одеяла. Толком не проснувшись, она приняла его за сестру и попросила оставить в покое. Виконт не стал будить супругу – так даже лучше, учитывая ее скованность в постели. Обмякшее легче примет мужчину, он чуть позже насладится мягкостью женских форм, заодно поучит одной приятной вещи.

Когда Стефания очнулась, Ноэль всю занимался делом. Закинув ее ноги на плечи, он щедро насаживал молодую женщину на вздыбленное достоинство. Разумеется, возмущенная виконтесса воспротивилась, но муж цыкнул и велел лежать смирно, если она не в состоянии его ублажить.

Кончив, Ноэль крикнул кому-то за дверью:

– Заходи!

Стефания скорчилась, прижав колени к груди. Между ног неприятно холодило, о раздражении молодая женщина уже не думала: поняла, оно неизменный спутник близости.

Виконтесса лихорадочно пошарила рукой в поисках одеяла или простыни. Жаль, на ней нет рубашки, иначе прикрылась бы ей.

Кого муж пригласил в спальню, кто увидит ее позор? Разве с женами так поступают?

Увы, ничего не находилось, пришлось скорчиться еще сильнее.

– Что, холодно ночами? – усмехнулся виконт при виде мурашек на ее теле и хлопнул по ягодицам. – Appetitная попка! Не соблазняй Сигмурта, он и так облизывается. Говорит, жить не может, жаждет познакомиться. Правда, Сигмурт?

Стефания вздрогнула и, пересилив страх, обернулась.

Деверь там или нет, а чья-то тень замерла у потухшего камина.

– Не лежала бы, как бревно, согрелась, – продолжал бурчать муж. – Нечего прохлаждаться, взяла в руки член! – прикрикнул он и досадливо добавил: – Хоть какой-то толк!

– Ноэль, ты хоть объясни жене, где он, – подал голос Сигмурт.

Стефания застонала.

Значит, деверь все-таки здесь, опять! Господи, лучше бы ей умереть!

Младший Сибелг приблизился к кровати и взял трясущуюся руку невестки.

– Членом называют мужское достоинство. Он вот здесь.

Сигмурт завел ее пальцы под рубашку, и Стефания ощутила набухшую плоть.

– Сначала я!

Ноэль грубо вырвал ее руку, однако Стефания наотрез отказалась прикасаться к члену супруга. Он не стал уговаривать, чуть не вывихнув запястье, и принудил это сделать. Сам же с довольной ухмылкой развалился на постели.

– Ну, чего уставилась? Давай! Или я тебе еще показывать должен?

– Ноэль! – осуждающе покачал головой Сигмурт и полностью разделся. – Она же маленькая, испуганная, давай, я объясню. У меня лучше получится, правда. Ты ведь не хочешь, чтобы Стефания разрыдалась.

Виконт молчал.

– А ты, Стефания? Рассказать тебе? – вкрадчиво поинтересовался северянин и мягко коснулся пальцами подбородка.

– Да, – чуть слышно, потупившись, пробормотала молодая женщина.

Пусть расскажет, вдруг тогда Ноэль перестанет злиться. Хлоя подобным в храме не занималась, при всем желании Стефания не могла догадаться, как преступить к делу.

И матушка промолчала... То ли они с отцом подобным не занимались, то ли леди Эверин проявила высшую степень благочестия, сохранив не только тело, но и разум дочери невинными.

– Он между ног, чуть ниже живота, – как маленькой, втолковывал деверь.

Преодолевая брезгливость, прикрывшись одеялом, Стефания робко погладила детородный орган мужа.

– Правильно, – одобрительно кивнул Сигмурт и присел рядом. – Потрогай его, почувствуй, какой он твердый, сильный. Осторожно сожми ладонью у основания и...

– Хватит с ней возиться!

Ноэль, ругнувшись, приподнялся и наклонил голову Стефании к темным завиткам внизу живота.

– В рот взяла, бестолочь! – рыкнул он. – Можешь лизать и целовать. Представь, что конфетка. Когда придет очередь Сигмурта, занимайтесь болтовней, сколько влезет.

Стефания гордо заявила, что не станет потворствовать извращениям, – пришлось. Виконт прижал губы супруги и силой открыл ее рот. Молодую женщину тошнило от привкуса мочи, но супруг не позволял разогнуться, только время от времени разрешал глотнуть воздуха. Он больно щипал за плечи, если Стефания ленилась.

Сигмурт неодобрительно цокал языком, но не вмешивался. Пока супруга неумело ласкала брата, он успел возбудиться и теперь сидел, поглаживая собственное достоинство.

Наконец Ноэлю показалось достаточным. Наградив супругу звонким шлепком по мягкому месту, виконт выпрямился и подал знак брату. Он кивнул и устроился подле головы невестки, когда как брат занял место у нее в ногах.

– Мне снова? – обреченно спросила она, вытерев губы тыльной стороной ладони.

Мерзкий привкус стоял во рту, вызывая рвотные спазмы.

– Нет, птичка, сейчас моя очередь, – мурлыкнул деверь и, словно не испытывая брезгливости, поцеловал.

Стефании казалось, их губы и руки изучили каждый уголок ее тела.

Сигмурт сумел заставить забыть о недавнем кошмаре. Он слегка покусывал уши, но не так, как брат. По ее мнению, деверь обращался с женщиной намного нежнее, гладил и целовал больше. На минуту закралась мысль: вот бы она вышла замуж за него. Ноэлю не хватало терпения, тогда как Сигмурт не торопился, старательно разгонял мурашки. Его руки на груди тоже вели себя иначе. Никакого выкручивания сосков, деверь бережно изучал ее груди, с удивлением заставив осознать, что, даже несмотря на страх, мужские ладони бывают приятны.

Супруг тоже умерил пыл, целовал внутреннюю сторону бедер. Виконтесса не стала противиться, когда он проник между ними. Пальцы Ноэля ощущали себя вольготно в самых потаенных местах, но, к счастью, не ввинчивались, проникали неглубоко. Особое внимание муж уделил бугорку над входом в лоно. Стефания ничего особенного не почувствовала, только холодок после касания языка.

– Неужели вам не нравится? Будьте умницей и не бойтесь, – хрипло шепнул Сигмурт и накрыл губы виконтессы страстным поцелуем.

Его язык обвился вокруг ее языка, напомнив о прежних опытах соития.

Оба мужчины возбуждены, Стефания понимала, что ее ждет, – повторение брачной ночи. Боялась ли она? Странно, но нет. Незнание уже не страшило, раз у северян так принято, потерпит.

– Ты там как? – деверь с мукой глянул на брата. – Я уже не могу! Кто первый-то?

Сигмурт погладил живот невестки и улегся рядом. Его член высоко вздымался, готовый брать и дарить наслаждение. Достоинство брата тоже требовало внимания, неумелые ласки жены лишь раззадорили.

– Давай одновременно, а? Девочка не девственница, вреда не будет.

Как это – одновременно?

Стефания ничего не понимала. Она полагала, братья по очереди овладеют ей, но сразу никак не получится.

Молодая женщина испуганно дернулась.

– Ш-ш-ш, не бойся, красавица, я знаю, что в первый раз.

Сигмурт склонился над обмершей от дурного предчувствия невесткой и наградил нежным поцелуем.

Братья перевернули Стефанию на живот. Пальцы Ноэля раздвинули ягодички.

– Нет, не надо, прошу вас, только не туда! – взмолилась виконтесса.

Увы, ее никто не слушал, братья лишь снова заверили: ничего плохого не случится.

Палец виконта очертил дырочку и чуть надавил. Стефания охнула и попыталась вырваться. Пусть сейчас не больно, потом она истечет кровью. Да и разве не богопротивно заниматься подобными вещами? Муж предвидел сопротивление и оседлал, надежно прижав к кровати. Не выдержав, прикрикнул, чтобы заткнулась, а то пожалеет.

– Ну, хорошая моя, я ведь не коновал.

Сигмурт пару раз шлепнул Стефанию по попке и наклонился, нашарив на полу баночку. Он прихватил ее в первую ночь, но смазка не потребовалась. Сегодня другой случай. Убедившись, что смесь не засохла, Сигмурт занялся привычным делом. Видя, что Стефания трясется от страха, он начал с поцелуев. Губы младшего Сибелга скользили по пояснице, бережно касались ягодички и обратной стороны коленей. Последнее место оказалось особенно чувствительным, заставило виконтессу на время потерять контроль. Сигмурт не преминул этим воспользоваться. Обмакнув мизинец в масло, он медленно, аккуратно ввел его между мягких полушарий. Виконтесса ахнула, попыталась вытолкнуть – деверь вытащил сам, однако через минуту ввел обратно.

– Все хорошо, расслабься, – шептал он и поцеловал Стефанию в крестец. – Не надо так зажиматься. Подумаешь, мама не рассказала – сотни девочек радуются каждый день.

Молодая женщина задумалась, а Сигмурт ввел в ее попку следующий палец. Пока ничего дурного не происходило, и Стефания замерла, ожидая продолжения.

Вот и большой палец. Виконтесса остро его почувствовала, хотя все прочие приняла легко.

– Теперь два, и слегка раздвинем, – шептал Сигмурт.

Слова не расходились с делом. Он медленно, но верно разрабатывал попку Стефании, готовя ее принять нечто большее. Опершись локтями о постель, виконтесса терпела. Муж больше не давил на спину, отпустил, даже подложил подушку ей под живот.

Движения пальцев Сигмурта стали обыденностью. Когда они прекратились, Стефания обрадовалась, как оказалось, рано. Тело виконтессы приподняли, заставили встать на колени лицом к мужу, прижать локти к груди.

– Хорошенько прогнись, попкой кверху, – напутствовал деверь и попросил брата: – Придержи, я вставлю. Там узко, нельзя рывком.

– Чего ты хочешь – девственница! – хмыкнул Ноэль и железной хваткой вцепился в ноги супруги, не позволяя изменить позу. – Ты осторожнее, не порви!

– Все для тебя, братец, потом сливки снимешь, – рассмеялся Сигмурт.

– Хватит языком болтать, насаживай! Видишь, девочка заждалась.

Стефания вскрикнула, ощутив в себе Сигмурта. Он вошел, как и обещал: медленно, постепенно. Член торкнулся в дырочку, замер и скользнул внутрь. Виконтесса глотнула воздуха и тихо застонала. Как больно, а ведь он еще толком не начал. Сигмурт сделал пару неторопливых движений, продвинувшись чуть глубже.

– Смазка хорошая, милая, успокойся. Скоро я сделаю тебе такую же широкую дырочку, как у сестры. Только расслабься, сразу полегчает.

Всхлипывающая от боли и унижения Стефания не сомневалась, он сдержит слово. Она сдалась, но что еще ей оставалось? Двое против одной, один из них – супруг.

Ноэль отпустил, наблюдая, как брат все глубже и глубже погружает член между ягодиц, то замедляя, то плавно увеличивая темп. По его мнению, Сигмурт слишком аккуратничал. Девственница девственницей, но брат столько возился, любая бы приняла.

– Я тоже стоять и ждать не собираюсь, – сердито заметил Ноэль, мысленно примериваясь, как бы лучше устроиться.

Сигмурт невнятно пробормотал: «Отстань!» и перевернулся на бок, увлекая за собой Стефанию. Член чуть глубже погрузился в тело, стремясь войти во всю длину. Не сразу, но он насадит ее. Стефания прикрыла глаза и, ослабив мышцы, согнула ноги к животу. Стало немного лучше. Пусть мужское достоинство мгновенно отвоевало новые территории, зато боль почти прошла, сменилась легким жжением.

Ноэль не заставил себя ждать. Минута торопливых ласк, и он ворвался в ее лоно, быстро и решительно. Виконт нетерпеливо задвигался: перевозбудился. Ноги пришлось широко развести – иначе бы мужчины не поместились. Один тесно прижимает к паху, другой, тяжело дыша, ввинчивается между ягодиц, словно жаждет соединиться с братом. Стефания остро ощущала члены обоих, их разный ритм: рваный мужа и более плавный деверя, и кусала губы. Она ощущала себя курицей, пронзенной вертелом. Повар безжалостно вращал его, только птице легче, в Стефании сразу два прута.

Груди сотрясались от двойных усилий. Боль между ног усилилась, виконтесса не могла толком понять, где главный источник. Он пульсировал между бедер, разрывая промежность.

Потом нахлынула апатия.

Стефания с молчаливой покорностью наблюдала за тем, как двигается член мужа.

Одной болью меньше, одной больше...

Братья занимались любовью по-разному и не кончили одновременно. Стефания радовалась, что деверь больше не елозил своей штукой в попке, и мечтала, чтобы и муж скорее перестал. Внутри все горело огнем, мнилось, ее посадили на кол.

– Не понравилось, принцесса? – усмехнулся довольный Сигмурт и взасос поцеловал в шею. – С братом потом сравнишь, скажешь, кто лучше. Он скоро уже все: ишь, как наяривает!

Стефания промолчала. Мысленно она призывала смерть – как казалось, единственное спасение от незавидной участи. Она угодила в пекло, минуя божье судилище.

По щеке скатилась одинокая слеза.

– Тебе не плакать надо, дуреха, а радоваться, что не с одним, а сразу с двумя.

Сигмурт вновь чмокнул в основание шеи, уже без страсти. Не ограничившись этим, он вспомнил о коже за ушами и чувствительных мочках.

Стефания поводов для радости не видела, хотя ласки деверя немного успокоили, отвлекли от того, что делал муж. Наконец и он вытащил член и, тяжело дыша, притянул супругу к себе. Брат с готовностью уступил ему Стефанию, и встал, чтобы разжечь камин.

– А как же дети? – робко спросила виконтесса. Она боялась пошевелиться, чтобы не усугублять тянущую боль внутри. – Или ваш брат будет только сзади?

– Почему же, он и передок опробует, только меры кое-какие примет. В прошлый раз обошлись без них в виде исключения. Хотя, если залетишь от Сигмурта, я не в обиде: одна кровь. Главное, чтобы здесь, – виконт оторвался от груди Стефании и хлопнул по животу, – появился жилец.

Виконт некоторое время повалялся в постели с женой, в одиночку вошел в нее еще раз. Сигмурт молчаливо наблюдал, дождался, пока брат начнет двигаться резче и чаще, и затеял новый виток любовной игры. Теперь его интересовали пальцы ног невестки. Когда брат закончил, в распоряжении младшего Сибелга оказалось все податливое тело.

Стефания безвольно лежала на простынях.

Сигмурт взял ее руку и положил на свое мужское достоинство.

– Потом, Сигмурт! – лениво подал голос блаженствовавший Ноэль. – Я все-таки муж, мне позволено больше.

Деверь неохотно согласился.

– Ничего, милая, – обещал он, – я еще всему научу. И не как братец – сразу в рот.

Стефания сомневалась, но не стала озвучивать свои подозрения.

Скорей бы братья ушли!

Младший Сибелг поднял невестку на руки и перенес в кресло. Там усадил лицом к себе, чтобы брату было удобнее присоединиться, он занялся с ней любовью. Медленные, неторопливые движения понравились Стефании гораздо больше возни супруга.

Сигмурт смаковал тело невестки, поэтому не успел кончить, когда подошел Ноэль. Несколько скупых поглаживаний, предварительных проникновений, и бедра виконта плотно прижались к ягодицам Стефании. Она вновь кусала губы, но молчала, понимая, что братьев раздражают стоны и жалобы. Да и теперь боль иная, притупилась, однако пару раз виконтесса не удержалась, охнула, когда супруг особо усердствовал. По ее мнению, деверь проделал то же самое куда аккуратнее, хотя бы не торопился оказаться внутри.

Сколько продолжалась двойная близость, Стефания не знала, но долго. Когда все кончилось, ее оставили в покое, только встать и самостоятельно дойти до кровати она не могла, так и сидела верхом на Сигмурте. Обмякшая плоть не вызывала никаких чувств. Пусть остается в ней, лишь бы не шевелилась.

– Демонова печенка! – выругался Ноэль, проведя пальцем между ягодиц супруги.

Стефания напряглась. Неужели кровь?

– Ничего, пройдет, – отмахнулся младший брат. – Если б что серьезное, она бы в голос кричала. А так обойдешься передком с недельку, дальше снова можешь во все дырочки. Ладно, голубки, оставляю вас, рассвет недалече.

Сигмурт встал, передав измотанную Стефанию супругу, быстро оделся и, пожелав спокойно провести остаток ночи, ушел.

Ноэль погладил жену по волосам, поцеловал и заверил: ему понравилось. Затем перенес в постель и уложил подле себя. Виконт практически сразу заснул, а Стефания лежала и думала о том, что с ней произошло. Объятия Ноэля не дарили желаемого спокойствия. Совсем другим молодая женщина представляла мужа. В первую же ночь поделил с братом, совершил богопротивное соитие и не единожды. Оставалось благодарить Господа, что не избил, другого насилия довольно.

Ноэль даже не пытался проявить капельку нежности! Ему было все равно, в глазах – только похоть.

Стефания разрыдалась. Ей вновь хотелось умереть, здесь и сейчас. Виконтессу измазали в грязи, сознавая, она никогда не отважится рассказать об унижении.

Нет, ни за что на свете Стефания добровольно не ляжет с мужчиной! Увы, Стефания понимала, им с мужем предстоит еще много ночей. Придется вновь лежать, считать, чтобы отвлечься, и молить Бога помочь виконту быстрее кончить. И, главное, никакого Сигмурта! Только, судя по всему, Ноэль не мог исполнять супружеский долг без брата.

Стефания дрожала при одной мысли о повторении двойной близости. Закрывала глаза, и видела достоинство виконта, терзавшее лоно, ощущала до предела растянутую попку. Кажется, еще немного, и члены братьев соприкоснутся, порвут тоненькую преграду. Как она выдержала, одному Богу известно!

Абсолютно все в спальне Ноэля напоминало об ужасе и унижении, которое ей пришлось пережить.

Сколько еще раз, Господи?!

Видимо, Хлоя любит боль, раз ей нравятся подобные вещи, либо у нее там все иначе устроено. Может, есть женщины порочные и непорочные от природы, и занятие любовью доставляет удовольствие только первым? Извращенное удовольствие.

Стефания не помнила, когда уснула. Наутро она ощущала себя разбитой. Виконтесса хотела бы провести в постели весь день, но намечалась охота, она не могла послушаться мужа. Он требовал ее присутствия.

Аккуратно сев, виконтесса поняла, что могло быть и хуже. Затем Стефания прошлась и уяснила: главное – не делать резких движений, тогда последствия бурной ночи ограничиваются терпимым жжением. Впрочем, женщине пристала плавность, неторопливость, виконтесса справится, если, конечно, сможет усидеть в седле. К счастью, дамская посадка помогала избежать многих неприятных ощущений. Седла делались со специальными мягкими подушечками – подарок виконтессы.

Стефания медлила. Рука замерла на шнуре для вызова слуг и дернула за него. Тянуть больше нельзя, скоро ее хватятся.

Горничная положила на постель костюм для верховой езды: темно-зеленую амазонку, короткую куртку на меху, поставила в изножье кровати начищенные до блеска дорожные сапоги.

Стефания, завернувшись в одеяло, молчаливо наблюдала за ее действиями.

– Не замерзли миледи, без ночной-то рубашки? Ночи нынче холодные! – сокрушалась служанка.

– Спасибо, нет.

Наверное, следовало бы ответить: «Меня согрел муж», но молодая женщина не смогла.

Вода взбудрила. Стефания попросила оставить ее и обмыла деликатные места. Кожу между ягодиц будто натерли наждачной бумагой, но виконтесса, преодолевая неприятные ощущения, ополоснулась и там.

Вернувшись, служанка одела госпожу и уложила ее волосы под шапочку с пером.

– Какая ж вы красавица, миледи! – восхищенно воскликнула она.

Стефания кисло улыбнулась, подумав, что предпочла бы появиться на свет уродиной. Впрочем, кто поручится, что виконту Сибелгу важна внешняя красота, а не просто принадлежность к женскому полу.

За дверью супружеской спальни молодая хозяйка замка надела маску светской учтивости. Она гордилась собой: ни слуги, ни встреченные гости не догадывались о ночном кошмаре.

Повстречав брата, Стефания поинтересовалась, кого травят.

– Волков. Осторожнее, сестренка!

– Я бы вообще лучше никуда не поехала, – закинула удочку виконтесса.

Вдруг удастся на законных основаниях остаться в замке? Она бы полежала, подумала, а вечером могла бы обхаживать гостей. Сейчас улыбка давалась с трудом, Стефания боялась разрыдаться при виде братьев Сибелгов. Какое счастье, что она смогла позавтракать у себя.

– Вот еще! – фыркнул Генрих. – Охоту устроили в твою честь. Убери постную мину и улыбайся. – Значит, таки заметил. – Молоко киснет от твоего лица!

Стефания кивнула и боязливо огляделась по сторонам: нет ли поблизости мужа или деверя. Их не оказалось, и молодая женщина торопливо увела брата в проходную комнату.

– Генрих, – Стефания понизила голос, – скажи, – она замолкла, подбирая слова, – это нормально, когда мужчина... часто и больно. Мне не нравится.

– Дура! – отмахнулся Генрих. Ему не терпелось оказаться в гуще событий, среди новых знакомых, а не слушать стенания сестры. Дохлая, как рыба, правильная, пусть и образованная, Стефания наводила на брата тоску. – Радуйся, а не слезы лей. Небось, и мужа таким же постным лицом встречаешь. Поговорю с матерью: пусть мозги вправит.

– Не надо, не надо, я поняла! – отчаянно замахала руками виконтесса. Ей не хотелось выслушивать назидания матери. Напрасно она сказала Генриху! – Я все делаю, чтобы ему угодить. Просто, – Стефания смутилась, – у меня все болит. И противно, – чуть слышно добавила она, стусевавшись.

– Виконт – твой муж, – отрезал брат, – с ним не может быть противно. Кончай жаловаться! Ее за такого человека выдали, а она недовольна. Улыбку на лицо нацепила – и вперед, во главу кавалькады. Виконт уже пару раз спрашивал, надоело оправдываться за копушу. Учти, Фанни, – предупредил Генрих, – выкинешь чего, мы поддержим виконта Сибелга, окажешься без семьи и имени. Поэтому не ной и не клевети. И скажи спасибо, что на меня нарвалась, отец быстро надавал бы оплеух.

– Мое место подле мужа, за его спиной, – сглотнув слезы обиды, заученно повторила Стефания. – Да продлит Бог его годы!

Генрих довольно улыбнулся и повел сестру во двор.

Стараясь не показывать обуревавших ее чувств, Стефания приветствовала охотников. Она старательно играла роль хозяйки, каждого гостя спросила: «Все ли вас устраивает, приятно ли вам в замке Овмен? Виконтесса слушала ответы, а в глазах блестели невыплаканные слезы».

Собаки рвались из рук выжлятников – бурые вислоухие гончие, звонкие, горячие, и большие, схожие с теми, которых виконт держал в комнатах. Угрюмые псы, покрытые густой шерстью, в шипастых ошейниках, на железных сворках, внушали Стефании подсознательный ужас. Казалось, они смотрят на нее исподлобья и гадают, как лучше ее растерзать. Такие и медведя завалят.

– Понравились волкодавы? Такие водятся только на севере.

Стефания вздрогнула и обернулась. Позади нее стоял деверь, поигрывая плетью. К поясу пристегнут нож и охотничий меч; за спиной – арбалет.

– Доброе утро, миледи, – он склонился над ее рукой в перчатке. – Брат уже заждался, послал искать.

Стефания бросила испуганный взгляд на виконта, прохаживавшегося возле коня.

– Отчего вы дрожите?

Сигмурт поглаживал ее затянутые в перчатку пальцы.

– Вы знаете, – чуть слышно ответила виконтесса и вырвала руку.

– Лекаря или просто нервы? – не унимался северянин.

Отчего он не желал оставить ее в покое?! Стефании хотелось закричать, устроить скандал, лишь бы оказаться подальше от мужчины, который вытворял непотребные вещи.

Виконтесса отвернулась и спрятала взгляд.

– Все хорошо, принцесса, – шепнул Сигмурт и отошел.

Молодая женщина с облегчением выдохнула.

Охота, осталось вытерпеть охоту, и можно спокойно выплакаться в часовне, там братья Сибелги ее точно не потревожат.

Ноэль нетерпеливо махнул рукой, и виконтесса в сопровождении двух мужчин спустилась с крыльца. Подобрал подол амазонки, она направилась к поджидавшей ее лошадке. На вид кобылка казалась смирной, Стефания надеялась, что и в действительности окажется такой же. Ее первая собственная охотничья лошадь.

Пристально наблюдавший за сестрой Генрих одобрительно кивнул и направился к родителям. Проводив его напряженным взглядом, Стефания вновь обнаружила рядом Сигмурта. Он вызвался придержать невестке стремя. Отказаться она не могла: к ним подъехал Ноэль, и виконтесса оказалась в центре всеобщего внимания.

– Вам идет охотничий наряд, – виконт внимательно оглядел супругу с ног до головы и остался доволен. – Нужно сшить зеленое бальное платье, полагаю, оно сделает вас первой красавицей.

– Благодарю.

Странно, она еще способна отвечать. Удивительно! Только пальцы дрожат все сильнее, пришлось занять их хлыстом.

– Знакомы с правилами?

Стефания кивнула и заученно повторила:

– Не отдаляться от охотников, не мешать им и собакам. Но у нас не травят волков...

«Пожалуйста, оставь меня в замке!» – молили глаза, но Ноэль не увидел или не пожелал увидеть.

– Зато в наших краях не тратят время на куропаток.

Виконт спешил и посадил жену в седло. Передав ей поводья, он убедился, что Стефания уверенно держится в седле, и снова вскочил на коня. Сигмурт последовал примеру брата.

Распорядитель затрубил, призывая припозднившихся гостей поторопиться. По второму звуку костяного рога охотничья кавалькада двинулась в путь. Впереди псары и загонщики, затем, рука к руке, виконт и виконтесса, Сигмурт Сибелг, родственники, высокие гости. Замыкали процессию незамужние девушки в сопровождении вдов и отряженных распорядителем людей. Сам он затерялся среди выжлятников.

Снег россыпью серебра летел из-под копыт, оседая на одежде. Солнце унижало бриллиантами снежинок окрестные холмы и доли, превращая их в подобие сказочной страны. Оно недавно вошло, низко стояло над горизонтом и дарило не только золотистый свет, но и мягкий румянец. Стефания, шурясь, жадно подставляла ему лицо, своим ребячеством вызывая усмешку мужа. Впрочем, он быстро охладел к супруге и обратил взор на загонщиков. Взрывая наст, лошади приближались к месту, где пару дней назад выследили волков.

Распорядитель подтвердил, хищники не ушли: свежие цепочки следов появились не позднее ночи.

Виконт не любил загонной охоты, веревок с флажками, ему нравилось единоборство. По его правилам, разумеется, когда зверь не знал, что его обложили, и спокойно доживал последние часы.

Охота неслась в сторону густого леса. Спустили собак, и они с глухим лаем умчались в чащобу, туда, куда их, науськивая, гнали выжлятники. Гончие впереди, волкодавы позади. Первые найдут и подымут зверя, вторые затравят его, разделят выводок, придут на помощь охотникам. Мужчины поспешили вслед за собаками, не боясь потеряться в заснеженных дебрях.

Подхваченная всеобщим движением, Стефания неслась бок о бок с супругом. Сердце каждый раз обмирало, когда лошадь брала препятствие – кусты или поваленный ствол дерева. Но наконец ей удалось вырваться из толпы одержимых чужой кровью. Придержав лошадь, виконтесса пропустила охотников. Муж даже головы не повернул, не заметил. Отец и брат тоже, деверь в первых рядах унесся за псами, а больше ее никто не хватится.

Оглядевшись, Стефания поняла, что оказалась одна посреди поляны. Охваченные охотничьим азартом мужчины давно ускакали прочь, туда, где уже хрипло, редко подавали голос собаки, а дамы не спешили покидать чистое поле, опасаясь встретиться с взбешенными зверьми.

Недолгой оказалась ее радость, несладкой свобода. Лучше вернуться, отыскать мать. Напрасно Стефания поддавалась соблазну, порой пляска смерти лучше звенящей тишины.

Где-то тут бродила стая серых хищников. Разозленные, они растерзают виконтессу.

Сердце билось в горле. Поддавшись панике, Стефания взмахнула хлыстом, чтобы галопом понестись прочь. Пусть ей до сих пор нехорошо, нужно бежать! Однако в последний момент она передумала. Зачем торопиться, стремиться обратно в Овмен? Давеча Стефания собиралась выпрыгнуть из окна, молила Бога облегчить страдания, спасти от позора и унижений – не услышал ли он ее?

Брат и слушать не желает, мать твердит заученные сызмальства слова, но живет же Хлоя иначе! Тот же лорд Амати любит ее, хоть и повел себя столь предосудительно. Стефания не сомневалась, сестра окажется удачливее в браке, она и теперь счастливее, потому что познала удовольствие, хоть немного пожила без оглядки на устои и правила. Теперь виконтесса не осуждала Хлою. Стефания блюла заветы, проявляла послушание, сохранила целомудрие – и какова награда? Может, Дуглас Амати не подарок, но он не насильовал Хлою на пару с братом.

Генрих дал понять, что семья откажется от нее, но ведь есть еще церковь. Настоятель монастыря выслушает, предоставит и кров, защитит от супруга. Святой отец вразумит его, пригрозит расторжением брака. Виконт не посмеет послушаться, не пойдет на анафему. Власть Божья сильнее власти людской.

Прислушавшись, Стефания убедилась, что рога трубят далеко. Она развернула лошадь к югу и понеслась сквозь буерак. Ветви стегали по лицу, грозя сорвать шапочку, расцарапать в кровь щеки, но она все нахлестывала и нахлестывала кобылку, стараясь не думать о волках. Господь не оставит, выведет.

Когда из кустов порскнул заяц, Стефания обмерла от страха, резко натянула поводья. Лошадь вскинулась на дыбы, всадница не удержалась в седле и полетела на землю. Кое-как поднявшись, отряхнувшись и отплевавшись от снега, виконтесса по глубоким сугробам добрела до кобылки. Она и впрямь оказалась смирной, раз не унеслась прочь, подпустила. Ухватившись за поводья, Стефания попыталась забраться в седло, но с мокрыми, тяжелыми, липнувшими к ногам юбками и без опоры в виде пня или камушка сделать это оказалось непросто. Молодая женщина беспомощно повисла в воздухе, отчаянно пытаясь подтянуться – не выходило. Ноги скользили в стремях, грозя очередным падением. Однако Стефании удалось-таки совладать

с непокорным седлом. Она вновь направила лошадь в нужную сторону. Вопреки желанию пришлось перейти на рысцу, а потом и вовсе на шаг – кобылка зарывалась в снег по брюхо.

На прогалине Стефания наткнулась на цепочку свежих следов, крупных, не заячьих. Бурное воображение рисовало за ближайшим кустом волка или медведя. И точно, вроде как вон за тем деревом сверкнули глаза, мелькнул облезлый хвост. Матерый хищник показался на мгновение и исчез.

Кобылка Стефании всхрапнула, нервно попятилась.

Виконтесса завизжала и, позабыв обо всем на свете, понеслась вбок, по прогалине. Краем глаза она видела серую спину и молила Всевышнего подарить лошади сил. Если волк нагонит, повалит, у Стефании нет шансов. Пусть неведомым образом ее не растерзают, молодая женщина далеко не уйдет, либо попадет на обед к другому зверю, либо замерзнет.

Кобылка взбрыкнула задними ногами, и виконтесса едва кубарем не полетела под копыта. Она чудом удержалась в седле. Рот наполнился привкусом железа – Стефания прокусила язык.

Волк! Совсем рядом! Снег ему ни по чем, заходит справа. Один, но виконтессе хватит. Или за теми деревьями еще парочка? Серые хищники редко охотятся в одиночку. Надо бы закричать, позвать на помощь, но нельзя, виконтесса не желала снова угодить в руки мужа. Тут каждый крестьянин за господина.

Серый хищник все ближе. Бледная виконтесса видела его острый задрывок, поджарое тело и понимала, на зимней бескормице волк не побрезгует худосочной женщиной. Суров и мрачен, ни вздыбленной шерсти, ни оскаленных клыков. Он загонял добычу, а не разменивался на эффекты. Стефанию бросило в холодный пот. Она обречены, кобыла skinет ее, избавится от всадницы – ненужного груза, замедлявшего бег.

Слух резанул резкий свист. Все трое: волк, лошадь, и Стефания, – замерли на мгновение, однако из леса вылетела не свора, а человек. Виконтесса пронзительно закричала и закрыла лицо руками, когда он бесстрашно прыгнул на спину зверю с ножом в руках. Кобылка воспользовалась моментом, осуществила давнюю мечту – молодая женщина полетела в снег, больно ударившись плечом о корень. Она еще крепче зажмурилась, ожидая нападения хищника, но оно не последовало. Тогда Стефания осторожно открыла глаза.

Сигмурт вытирал нож о шкуру поверженного врага. На лбу – две красных полосы. То ли собственная кровь, то ли кровь зверя.

Неподалеку замерло две лошади: в минуту опасности их инстинктивно потянуло друг к другу. Мерин младшего из Сибелгов косил карим глазом на хозяина и выглядел куда спокойнее прядавшей ушами кобылки виконтессы.

– Ну, и куда вы собрались? – сердито поинтересовался Сигмурт и, убрав оружие в ножны, направился к невестке.

Стефания отвернулась, чтобы не видеть его лица. Не в силах придумать правдоподобную ложь, она молчала. Деверь и так все понял, незачем притворяться. Какой бес привел его сюда? Не иначе, у Сигмурта нюх охотничьего пса! С другой стороны, он спас ее.

Господи, она едва не погибла!

– Тут ведь звери водятся, Стефания, нешуточные звери, – как ребенку, выговаривал Сигмурт. – Загрызут, никто не найдет. Испугались? – его смягчился. – Ничего, он мертв.

– А вы?... Зачем?

Стефания дрожала. Она кое-как села, но не могла подняться. Тело ломило, казалось, не осталось ни одного места, где бы не болело. А еще немного подташнивало.

Деверь наклонился и вытряхнул снег из-за ворота ее куртки, бережно оправил амазонку.

– Каждый северянин должен уметь завалить волка. Главное, все рассчитать и нанести верный удар. Раньше так проверяли мальчишек: достойны ли получить земли, титул, сейчас просто забава. Кровь не моя, волка, – добавил он, заметив, как пристально невестка рассматривает его лоб.

– Мне страшно! – сама не зная почему, призналась Стефания.

Наверное, на нее так подействовал обволакивавший голос деверя, но виконтесса быстро напомнила себе: Сигмурт участвовал в пытке, он не друг.

– Успокоить? – усмехнулся младший Сибелг и присел рядом на корточки.

Стефания сжалась и отвернулась.

– Хорошо, не стану, – без борьбы сдался Сигмурт. – Так куда торопились? Овмен совсем в другой стороне, ваш муж и гости тоже.

– Прошу, не говорите супругу! – взмолилась молодая женщина, порывисто ухватив его за руки. – Я все, что угодно сделаю, только не говорите! Он убьет меня, если скажете, – чуть слышно объяснила Стефания.

Если сравнивать, деверь внушал больше доверия. По крайней мере, он не накинулся в спальне оголодавшим псом, не заставлял брать в рот омерзительный орган, сейчас тоже, кажется, беспокоился, а не злорадствовал. Может, Сигмурт смилостивится и не выдаст?

– Его здесь нет. Ноэль упоенно травит волков, а я случайно заметил одинокую цепочку лошадиных следов, когда отзывал собак. Решил проверить, кто разъезжает по угольям брата без разрешения. Оказалось, вы. Бежать вздумали?

Сигмурт пристально посмотрел ей в глаза. Стефания потупилась. Кажется, уши покраснели от стыда.

– Молодая жена во время медового месяца, – укоризненно цокнул языком деверь. – Ноэль так плох? Или, наоборот, вы слишком хороши?

Он помог невестке подняться на ноги и смахнул снежную крупу с подала амазонки.

Стефания всхлипнула и молитвенно сложила руки на груди.

– Пожалуйста, не говорите ему! – шепотом повторила она.

Виконтессу трясло. Она едва держалась на ногах, если бы не рука Сигмурта, плюхнулась бы обратно в сугроб. Внезапно накатила такая слабость – сказывалось нервное напряжение.

– Столько страха, столько мольбы!

Деверь улыбнулся и участливо поинтересовался:

– Больно ударились?

Стефания покачала головой. Да, наверняка остались синяки, парочка ушибов, но сейчас это неважно. Она попалась, и ее ждет наказание.

Сигмурт снял перчатку и провел пальцами по щеке невестки. Она вздрогнула, попятилась и, вновь запнувшись, едва удержала равновесие.

– У вас кровь. Дура вы, могли остаться без глаза с такими скачками. Радуйтесь, что шею не сломали, – попенял он. – Дайте посмотрю.

Младший Сибелг осторожно коснулся ее кожи. Пальцы очертили абрис лица, замерли на краешке губ.

– Скажите честно: где-то болит?

Виконтесса безмолвствовала.

– Ну хватит! Хотите умереть назло мне?

– Нигде, право слово, я больше испугалась и замерзла, – пролепетала Стефания.

– А если не врать? – он пытливо заглянул в глаза и положил ладони на плечи.

Молодая женщина хотела скинуть их, но Сигмурт качнул головой: не стоит.

– Много где, – туманно ответила виконтесса. – Но все пустяки, заверяю!

– Дайте!

Прежде, чем Стефания сообразила, что он собрался делать, деверь наклонился и, задрвав намокшие тяжелые юбки, ощупал ноги. Ушибы нашел быстро, хотя молодая женщина мужественно терпела, сдерживая охи.

Прежняя Стефания бы осадилась наглеца, напомнила о недопустимости столь фривольного поведения, но нынешняя молчала. Что толку, если он видел ее голой, обладал ей?

– Так, отлежитесь, пройдет, – вынес вердикт Сигмурт. – Ничего не сломали, и то хорошо. Попросите горничную сделать растирку для локтей, а вот к бедру приложите компресс. Что с головой? Болит?

Пришлось признаться в легкой тошноте.

– Сотрясение. Покой и еще раз покой, Стефания.

– Скажите, что теперь со мной будет? – упавшим голосом поинтересовалась виконтесса, когда осмотр закончился, и Сигмурт подвел ее к лошадям.

Молодая женщина боялась смотреть Сигмурту в глаза, прочитать в них приговор.

– Отвезу вас обратно, запомню долг. Впрочем...

Деверь усмехнулся, заключил в ладони лицо и поцеловал. Стефания ожидала страсти, но его губы словно изучали ее, исследовали каждый уголок. Руки прижали к себе, лаская. Виконтесса задержала дыхание, а затем обмякла. Если нет боли, зачем противиться? Сейчас он очень аккуратен, запомнил все синяки и ушибы, не касается их.

– Я же вижу, кто тебе больше нравится, – отстранившись, шепнул Сигмурт. – Братец так तोпорится, хочет взять сразу, а тебе нужно терпение.

– Так вы этого от меня хотите? – Стефания окаменела, когда руки деверя оказались под курткой. Но он не спешил расстегивать амазонку, с легкой самодовольной улыбкой поглаживал сверху. – Супружеской измены?

Сигмурт расхохотался и крепко обхватил невестку за талию. Виконтесса против воли уткнулась лицом ему в грудь, ощутила студеной морозный запах, перемешавшийся с теплом кожи. От дыхания деверя возле уха по телу разбегались мурашки. Стефания не удивилась, когда Сигмурт игриво прикусил мочку. Следующий поцелуй пришелся чуть ниже, в полоску не защищенной воротником расстегнутой куртки кожи.

– Пусть Ноэлю досталась первая кровь, тебе больше нравилось со мной.

– Милорд, ваши слова непристойны!

Хорошая жена обязана хранить верность мужу, только вот Стефания не знала, кому из двух она стала супругой. В любом случае Сигмурта лучше осадить.

– Чем? Это сущая правда, – промурлыкал деверь. Его рука чуть задрала подол амазонки и прошла по шерстяным чулкам. – Я могу легко доказать. Ничего, еще сравнишь, убедишься, – самодовольно заявил он. – Со мной не измена, мы с Ноэлем похожи, брат не догадается от кого ребенок.

Сигмурт по-хозяйски прошелся руками по округлостям тела и отпустил. На недоуменный взгляд Стефании пояснил:

– Ты простудишься, лучше отвезти тебя домой. Не бойся, в спальне не останусь, вернусь обратно. Надеюсь, успею на конец гона, а то по твоей милости убил только мелкого волчонка, – он презрительно покосился на мертвого хищника.

Ничего себе мелкий волчонок! Молодой женщине он показался огромным.

– Вы заядлый охотник? – виконтесса отчаянно ухватила за возможность переменить тему.

– Любой северянин не упустит возможности потягаться со зверем, – пожал плечами Сигмурт и напомнил: – За тобой должок. Чем отдашь, решу потому, но выдохни, Ноэль ничего не узнает. Если, разумеется, чего-нибудь не выкинешь.

На вопрос Стефании, как он объяснит исчезновение невестки, деверь равнодушно пожал плечами.

– Скажу правду: отбилась от охоты, упала. Сама себя не выдай, дура.

– Вы слишком добры, – покачала головой виконтесса.

Она не верила в бескорыстие новоиспеченного родственника.

– Не более чем нужно, – возразил деверь и предложил ей колет. – Он сухой и теплый. Грейтесь, а то сляжете с горячкой.

Глава 6

Кутаясь в теплую накидку, впрочем, плохо защищавшую от студеного северного воздуха, Стефания брела по берегу моря. Колючий ветер, неприятный в любых других обстоятельствах, теперь казался драгоценным подарком, как золотое колечко с рубином кокотке. Он отгонял призраки дней и ночей, примирял с действительностью, на пару минут дарил желанное одиночество. Увы, о последнем Стефания только мечтала. Виконтесса не могла и шага ступить без присмотра, вот и теперь за ней внимательно наблюдали.

Ходить по каменистому берегу, особенно в суровые зимние месяцы было тяжело, но Стефания раз за разом упорно боролась с намокшими юбками, скользкими обломками скал, резкими порывами ветра. Море стало ее единственным утешителем, жаль, муж редко позволял бывать здесь.

Бескрайняя гладь подернулась ледком, с каждым днем он крепчал. По словам слуги, скоро можно без боязни гулять, кататься на коньках. Стефания с удовольствием бы, только кто отпустит? Ноэлю явно не до прогулок, да и лишний час с ним подобен пытке, деверь тоже вечно занят хозяйством, а одной женщине не подобает: замужня дама, а не крестьянская девица.

Белое безмолвие, бесконечные снега и острые пики гор – так подходит для настроения Стефании. Еще бы выйти на лед и идти, идти, идти...

Родители до сих пор гостили в замке, но виконтессу это не радовало. Затеянная ими и мужем процедура пересчета приданого и вовсе казалась унижительной. Ее провели, когда отгремели последние тосты во славу молодых, и гости разъехались. Стефания рада была сбегать, но ее вынудили сидеть, смотреть и слушать. Новоиспеченные родственники спорили по пустякам, но в итоге поставили подпись под документом, удостоверяющим, что за нее уплачено сполна. Стефания мельком слышала, как отец давал виконту некие устные обещания, что-то связанное с поддержкой в важном вопросе. До нее долетели лишь обрывки разговора: вопрос обсуждался за закрытыми дверьми.

Потом Эверины уехали, и Стефания осталась один на один с новым чужим миром. Разумеется, она писала письма. В первые недели – ежедневно, благо никто не ограничивал ее в потреблении бумаги и чернил. Писала Хлое, матери, отцу – всем разные, учитывая интересы и взгляды на жизнь. От лэрда и леди Эверин приходили скупые ответы, от сестры – ни строчки. Стефания долго не могла понять, в чем дело, пока случайно не обнаружила одно из своих писем в комнате мужа. Он не успел его сжечь, забыл на каминной полке. Так молодая женщина, поняла Хлоя ничего не получала, а Ноэль вскрывал всю корреспонденцию, решая, какое письмо отправить, а какое уничтожить. А Стефании так бы пригодились советы сестры! После двух жутких ночей, проведенных с братьями, она не знала, как себя вести, не понимала, как вообще осталась жива. Религия ответа не давала, и виконтесса спасалась от призраков прошлого на берегу моря. Только тень Овмена не отпускала и там – замок вечно «смотрел» в спину.

Стефания ощущала себя певчей птичкой, которую посадили в клетку и обрезали крылья. Неужели все мужья так жестоки? Хотя Ноэль, разумеется, считал иначе.

– Какую чушь вы пишете сестрице, – заметил он как-то за ужином, – Только бумагу переводите. Не знал, что у вас так развито воображение. Сделайте милость, уймите его, а то станете писать письма под мою диктовку.

– Я и так делаю все под вашу диктовку, милорд, одной вещью больше, одной меньше, – смело ответила Стефания.

Она демонстративно отложила приборы и встала из-за стола. Покосилась на хранившего ледяное спокойствие супруга, на ухмылявшегося уголками рта деверя и добавила:

– Только мысли мои вам изменить не удастся.

Пусть знает, все равно она не сможет стать смиренной и покорной. Пусть Церковь учит женщину раствориться в муже, терпеть любые его капризы, но святые отцы вряд ли имели в виду брачное ложе на троих, затворничество и беспросветное одиночество. Радовало, что Сигмунд больше не навещался, но Стефания не обольщалась. Она понимала, вкусивший сладкий плод однажды, попробует его снова.

Ноэль скомкал салфетку.

Что, не нравится? Виконтессе было плевать. Присев в издевательском реверансе, она хотела степенно удалиться к себе, только владелец замка не позволил.

– Учтите, миледи, уйдете сейчас, не получите ни кусочка до завтрашнего утра.

Виконт тоже встал; желваки гуляли на щеках. Тогда Стефания впервые испугалась, поняла, что Ноэль способен не только на постельные утехи. В его взгляде промелькнуло что-то звериное.

– Я не ребенок, милорд, – покачала головой виконтесса, – вы напрасно грозите оставить меня без ужина. Я прекрасно поем на кухне вместе со слугами, если потребуется, самую простую пищу.

В ней исподволь зрел протест. Она не позволит обращаться с собой, как с собакой! Отец дорого продал дочь, пусть Ноэль имеет хоть капельку уважения! Или остался недоволен спальней? Так Стефания позволила все, а если не столь искусна, как сестра, то позволил бы ее спросить или женился на девке из трактира. Благородная супруга не шлюха, она рождает детей, создает уют. Стефания с удовольствием бы добавила красок мрачному замку, только Ноэль не позволял. Он строго-настрога запретил что-либо менять, даже в собственной спальне. Платья – пожалуйста, цветы в вазе, но не более.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.